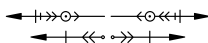
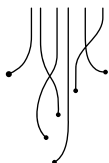

Алена
Савченко

ХАМЕЛЕОНША

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С13

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *И. Кругловой*

Савченкова, Алена.

С13 Хамелеонша / Алена Савченкова. — Москва : Эксмо, 2022. — 576 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-163788-0

В одном далеком-далеком королевстве жила прекрасная девушка, которую злой брат продал на одну ночь ужасному королю. Вам уже ее жаль? Зря. Таких чудовищ, как я, еще поискать. И вообще-то мой брат самый лучший, король не так ужасен, а красивой называл лишь один мужчина — тот, кем одержима с самого детства. Но это моя история, поэтому рассказываться будет в том порядке и теми словами, как захочу я. Только, открывая ее, имейте в виду: в мои времена «счастливо» у судьбы выгрызали, «долго» не жили, а любовь бывала страшнее ненависти.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Савченкова А., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-163788-0

ВМЕСТО ПРОЛОГА

Кровь брызнула из перебитого носа, как сок из раздавленного граната.

— Не смей. Приближаться. К моей. Сестре, — выдыхал Людо между ударами, сидя верхом на пареньке лет двенадцати.

Голова противника безвольно моталась по грязи, пока лицо обзаводилось свежими ссадинами.

— Перестань! Да перестань же, Робэн ничего не сделал! — Я попыталась оттащить брата. — Мы просто играли!

Он не глядя оттолкнул меня и продолжил работать кулаками с редкой для своих десяти лет силой.

— Сюда кто-то идёт, прекрати!

Людо врезал в последний раз и откинулся назад, тяжело дыша. Стёр рукавом брызги с подбородка, мотнул головой, и туман начал отступать из глаз, возвращая им природную черноту.

— Эй вы там! Что творите?!

Человек между домами замер, потянул цеп с плеча...

— Скорее, поднимайся, это его отец!

К нам и впрямь направлялся староста деревни, переходя с шага на бег. И ничего хорошего его лицо не сулило... как пить дать прикончит брата: предупреждал ведь после случая с Варином, что больше не спустит, а Робэн без передних зубов и еле дышит.

— Живо на ноги! — прорычала я, дёрнув Людо за шиворот.

Он вскочил, пошатываясь, схватил меня скользкой от своей и чужой крови ладонью и потащил к выходу из деревни.

— погоди, заберём вещи!

— Не успеем.

— Там два денье и мой гребень!

— Украдём новый. Главное, талисманы с собой.

— А дом? Дом для нас и Артура тоже новый украдём?!

Ну, почему ты никогда не можешь сдержаться!

— Заткнись и побежали!

— А ну стойте, зверёньши! — неслоь вслед.

Крепко держась за руки, мы рванули к сельскому тракту.

1

7 ЛЕТ СПУСТЯ

Едва ли эти своды знавали пощёчину звонче. Но леди Йоса снесла тяжесть материнской руки с равнодушием, выдававшим привычку. Лишь потёрла скулу и продолжила безучастно смотреть перед собой прекрасными голубыми очами. Наследница богатейшего рода Венцель, вступившая в шестнадцать зим и поздний брачный возраст, уже вовсю цвела той откровенной чувственностью, что заставляла мужчин сворачивать шеи на турнирах в её честь. Честь, которой больше нет.

Мать и дочь не заметили, как я вошла и застыла подле дверей в смиренной позе.

— Лучше б видеть тебя мёртвой, чем принёсшей позор в дом!

— Вы преувеличиваете, матушка.

— Это ты преувеличила, когда раздвинула ноги перед грумом! А о своих братьях и сёстрах ты подумала в тот момент?!

— Думать о них в такой позе я сочла неуместным. И он был помощником грума.

«Был», потому что теперь его кожа украшает ворота. Если леди Йоса и скорбела по соучастнику во грехе, на свежести лица это никак не отразилось. Её красота канонична: локоны ниспадают на спину пышным белокурым каскадом, блио¹ из голубого шёлка подчёркивает рослую

¹Средневековое нарядное женское платье из дорогих тканей, зачастую было с узкими рукавами, расширяющимися книзу.

стройную фигуру, стопы и кисти рук аккуратны, а шея тонка и изящна.

И я полная её противоположность: невысокая и угловатая. Мы одних лет, но под моим платьем вместо плавных изгибов и положенных выпуклостей — болезненная худоба. Кожа не белая, а бледная. Волосы, пусть длинные и густые, вопреки модным канонам безнадежно черны. В нашем роду у всех такие.

Леди Катарина отвесила дочери новую пощёчину. Замахнулась для следующей, но, заметив меня, медленно опустила руку.

— Порой не верится, что ты вышла из моего чрева.

Ресницы леди Йосы дрогнули в мою сторону, выдавая тщательно скрываемую досаду из-за унижения при посторонней, но тон остался вызывающе-безразличным.

— Вы не одиноки в своём удивлении.

Они действительно разнились настолько, насколько это вообще возможно. Леди Катарина разменяла третий десяток, но смотрелась почти старухой. Не спасала ни косметика, ни платье из дорогой парчи, шлейф которого струился за ней по полу со змеиным шелестом, разметая присыпку из ароматных трав. Только лоб отличался неестественной гладкостью, обязанной тугому энеу¹.

— Мне ты дерзить не боишься. А лично отказать королю, объяснив в утешение свой маленький изъян, смелости бы хватило?

— Его утешили бы пажи, — равнодушно отозвалась та. — Говорят, при дворе они все, как на подбор, смазливы.

Её Светлость наградила дочь ненавидящим взглядом и опустила в кресло-трон с высокой спинкой. Устроив руки на подлокотниках, сделала мне знак приблизиться. Леди Йоса тоже, будто бы нехотя, повернула голову. Любопытство в её лице мешалось с опаской и толикой гадливости.

¹Средневековый женский головной убор. Наиболее распространённый вариант — в виде усечённого конуса.

Стоило подойти, острые золочёные ногти бесцеремонно впились в мой подбородок, повертели лицо. Живот скрутило в узел, но я изо всех сил терпела, чтобы не оттолкнуть руку леди Катарины.

— В тебе нет ничего особенного, — почти разочарованно протянула она, снова откидываясь на спинку. — Если твой брат солгал...

— Людо сказал правду, госпожа, — тихо ответила я. — Мы из рода Морхольт.

Блёкло-голубые глаза прищурились.

— Никого ведь не осталось. Замок давно в руинах, гниёт тухлой рыбой, как и его хозяин со всем выводком.

Потянув за шнурок на шее, я вытащила наружу талисман-покровитель. Существо на нём походило чем-то на ящерицу.

— Мы из побочной ветви, никогда там не жили. Отец был непризнанным бастардом от вилланки, единокровным младшим братом лорда Морхольта. С нами не желали знать-ся, держа в достатке, но тайне. На тот пир нас не позвали...

Поморщившись на «вилланку», леди Катарина выпростала руку и ковырнула потемневшее серебро, этим вечером впервые за много лет коснувшееся моей кожи.

— Бедные родственники, значит?

— Да, госпожа. — Я спрятала талисман обратно и безотчётно прижала ладонью.

— Но всё же проклятая кровь... — задумчиво протянула она. — Родовой дар чуть теплится?

— Дома говорили, что во мне он на удивление силён.

— Дивиться стоит, что он вообще проявился в полукровной ветви. — Заострённые ногти побарабанили по подлокотнику. — И как же вы с братом очутились так далеко от семьи?

— Семьи больше нет, госпожа, остались только мы с Людо. Тому уже год, как Жнец забрал родителей в Скорбные Чертоги, и наследством нам лишь долги...

— И кто же теперь о тебе заботится?

— Брат, госпожа.

— Заботится, торгуя тобой?

Я покраснела и опустила глаза.

— Ну-ну, не смущайся, девочка. — Она с притворной добротой коснулась моей щеки. — Твой брат верно поступил, что открылся мне. Сама Праматерь привела его в ту таверну, как раз когда этот безродный щенок вздумал распускать свой грязный язык...

Ныне вывешенный по соседству с кожей...

— ...А твоя покорность достойна похвал. — Леди Йоса фыркнула, но её мать пропустила это мимо ушей: — Если все так, как говоришь, волноваться не о чем. Одна маленькая услуга, и вы с братом распрощаетесь с нуждой до конца жизни. — Небрежный жест в сторону моей потрёпанной котты. — Но если лжешь... — Пальцы на щеке сжались, втопив ногти в кожу.

— Это правда, госпожа.

— Покажи! — жадно потребовала она.

Я отступила, с облегчением высвобождаясь.

— Мне нужно немного вина или воды.

Леди Катарина молча указала на графин с эгретом. Плеснув в кубокпряного напитка, я отцепила от рукава заранее заготовленную булавку и приблизилась к леди Йосе. Её Светлость состроила гримаску и отодвинулась.

— Что вам угодно?

— Капля вашей крови, миледи.

— Без этого нельзя?

— Живее, — холодно вмешалась её мать. — Пусть лучше это сделает леди Лорелея, чем я.

Вообще-то сгодились бы любая частичка — ногти, волосы, но ими я брезговала. Напиток тоже необязателен, но с ним проще и не так противно. Вместо того чтобы протянуть руку, девушка раздражённо выхватила у меня булавку, помедлила и, закусив губу, кольнула палец. На коже быстро выросла серая бусина. Леди Йоса перевернула ладонь, и капля со шлепком приземлилась в кубок под нашими взглядами. Я осушила его залпом и потянулась вернуть на место, но не успела...

Судорога накатила, как всегда, внезапно, выгнув спину и выбив дыхание. Голова запрокинулась, потолок завер-

телся водоворотом балок, кубок выскользнул из сведённых пальцев и где-то далеко катился по плитам с неестественным грохотом. Мир, а вместе с ним и два потрясённых женских лица, начал осыпаться цветным песком, утопая в жгучей боли. Лава перерождения неслась по телу, опаливая жилы, разрывая мышцы, выламывая кости, переплавляя меня в более совершенную форму. Ноги подкосились, и я со стоном рухнула на четвереньки. В упавшей на лицо завесе смоляных волос потянулись светлые дорожки, множась, пока голова не выцвела целиком.

В процессе «туда» волосы всегда обращаются в последнюю очередь, значит, ещё чуть-чуть потерпеть. Стискивая зубы, царапая пол...

Наконец я обессиленно повалилась на бок, мелко дрожа и обнимая себя за плечи, чувствуя сползающую по подбородку нитку слюны.

Вот отступало это всегда волнами... И всё равно теперь переносить много легче, чем ещё несколько лет назад, когда я теряла сознание во время и после, уже от отдачи.

Никто не шевельнулся, чтобы помочь. Совершенно разные мать и дочь рассматривали меня с абсолютно одинаковым выражением омерзения и восторга. Поднялась я сама, покачиваясь на подламывающихся ногах. Зала перестала кружиться, но тошнота не торопилась отступать.

Я вытянула перед собой руки, поиграв тонкими белыми пальчиками с ухоженными ногтями, оправила коту, ощутимо приподнявшуюся над лодыжками и ставшую тесной в груди, и откинула назад копну белокурых волос.

— Праматерь Покровителей, да вы совсем, как я! — воскликнула леди Йоса, хлопнув в ладоши, и звонко рассмеялась.

* * *

Пока я смотрелась в полированное серебро подноса, леди Йоса и её мать изучали меня. Девушка, не церемонясь, ощупывала мои брови, волосы, тыкала в щёки. Мы

не были похожи на сестёр. Мы были неотличимы. Мне передалась даже тонкая свежая царапина повыше ключицы. Полные груди, высокий чистый голос, нежные, без единой мозоли пальцы... Но чувствовала я себя в чужом теле, даже столь совершенном, как обычно, преме́рзко.

Леди Катарина обошла меня кругом, окидывая придирчивым взглядом, и осталась довольна.

— Сколько держится личина?

— На вечер достанет, госпожа, дольше не проверяла.

— Дольше и не понадобится. Обменяетесь прямо перед праздничным пиром, а сразу после консумации отлучишься из опочивальни под каким-нибудь предлогом, и леди Йоса тебя заменит. А теперь ещё раз посмотри мне в глаза и ответь, — она остановилась напротив, буравя меня своими рыбьими глазами, — тебя касался мужчина? Только не смей лгать, там всё равно проверят. Доводилось слышать про «каменный суд»?

— Да, госпожа. Его проходила моя мать.

Она явно удивилась: ещё бы, каким-то полукровкам камни со Священной горы.

— Что ж, значит, понимаешь, что никакие трюки не пройдут, иначе тебя бы здесь не было.

— Понимаю, госпожа. И я целомудренна.

Складка меж её бровей разгладилась, но тут же вновь пролегла:

— Ты ведь будешь в её теле, а значит...

— Это не тело вашей дочери, лишь его видимость.

Суть осталась моя, я пройду проверку, госпожа.

То был правильный ответ. С учётом всего, что мы с Людо теперь знали, при другом нас бы не выпустили отсюда живыми.

— Значит, решено. Отправляетесь в дорогу завтра. Поедешь в качестве фрейлины и личной камеристки леди Йосы. Скажи... у твоего брата такой же дар?

— Нет, госпожа, это передаётся только по женской линии.

Вспыхнувший было в её глазах огонёк сменился холодной деловитостью.

— Значит, поедешь одна.

— А Людо?

— Дождётся твоего возвращения. Ему там нечего делать.

— Прошу, разрешите ему тоже ехать! — Голос дрогнул. — Мы с братом никогда не разлучались...

Зала колыхнулась от сдерживаемых слёз. Я шмыгнула и опустила голову, по-простолюдински промакивая глаза ладонью.

— Ну же, матушка, такое ценное приобретение, — усмехнулась леди Йоса. — Вы же не хотите, чтобы тоска по брату помешала леди Лорелее радовать моего супруга на брачном ложе?

— Придержи язык, девчонка! Впрочем... — леди Катарина машинально погладила свой талисман-покровитель в виде ласки, — так даже лучше. Что твой брат умеет?

— Чистить оружие, ходить за лошадьми, помогать с надеванием доспеха. Он может что угодно!

— А драться?

— Немного, госпожа.

— Позови его.

Залу, от которой слугам велели держаться подальше, я покинула уже в своём обличье. Голову вело, как после бессонной ночи, ноги заплетались, и приходилось то и дело приваливаться ладонью к стене, чтоб отдышаться. Отдача переносилась бы много легче, не бренчи в желудке пустота. В коридоре недавно пронесли что-то жареное, и повисший в воздухе шлейф сводил с ума. Но последние деньги ушли на средство от вшей.

Людо дожидался меня под присмотром двух рыцарей из личной охраны. Светлобородый развлекался, разбивая носком сапога угли в камине, а второй, тот, что забрал у нас при входе кинжал, трепал борзую. На обоих были хауберки¹ с холщовыми табарами² поперх, сбоку висели

¹Кольчуга с длинными рукавами и подолом, достигавшим колен.

²Короткий плащ, который рыцари носили поперх защитного снаряжения.

поясные мечи. Людо в своей поддоспешной стёганке смотрелся на их фоне совсем тонким и лёгким. Первым услышав мои шаги, он вскинул голову и зачесал назад пятернёй отросшие чёрные кудри. Стражники тоже отвлеклись от своих занятий. Я взяла брата за руки и громко, с радостной улыбкой сообщила:

— Леди Катарина желает тебя видеть!

Он быстро обнял меня, шепнув на ухо:

— Старуха поверила?

— Да, — так же едва слышно ответила я и повела его в зал.

Позади забряцали тяжёлые шаги рыцарей.

2

Её Светлость встретила нас в своём кресле-троне. Леди Йоса теперь стояла одесную¹, очищая для неё ножом яблоко и кидая кожуру на поднос.

Глаза хозяйки замка оценивающе скользнули по Людо. Когда он был в нескольких шагах от кресла, она сделала ему знак остановиться. Брат послушно замер и чуть поклонился:

— Моя госпожа.

Леди Йоса тоже внимательно изучала его, не переставая ловко снимать красную стружку. Её мать непрерывно поглаживала круговыми движениями свой талисман.

— Сестра сказала, что ты умеешь обращаться с оружием.

— Да, но ваши люди забрали мой кинжал при входе.

— Покажи, чего стоишь без него. Марлант, Эйк, — кивнула она рыцарям, — проверьте-ка его.

Те шагнули вперёд, вытаскивая мечи, и ухмыльнулись, когда безоружный Людо попятился. Я до боли прикусила изнутри щеку, а брат пятился и пятился, пока не упёрся в стену, а там светлородый сделал замах и... Людо

¹Устаревшее слово, обозначающее «по правую руку».

уклонился, нырок, пережат креслу, и в следующий миг мелькнувший у него в руках поднос обрушился резным краем на шею Марланта, вырвав вместе с хриплым воплем фонтанчик крови. Он выплеснулся на светлую бороду и парой брызг — на леди Катарину, а Людо уже пнул подоспевшего Эйка в грудь и с разворота всадил ему в разрез кольчуги на бедре фруктовый нож леди Йосы. Рыцарь рухнул, как подкошенный, с воем катаясь по полу и пытаясь выдернуть лезвие, пока Марлант, зажимая шею, полз к выпавшему мечу.

Людо с хрустом впечатал башмак в протянутые пальцы и, наклонившись, подхватил клинок. Описал восьмёрку, восхищённо оглядел от рукояти до острия, и я почти ощутила пронзивший его разряд удовольствия. Глаза вспыхнули, тело шевельнулось, подстраиваясь, и меч заплясал в воздухе, сливаясь с рукой в единое целое... только не это.

— Людо, мне страшно! — жалобно позвала я.

Но он уже не слышал. Не прерывая отточенных, как в танце, движений, загнал пяткой полувыдернутый Эйком нож обратно в бедро и подцепил с пола второй меч, прекрасно лёгший в левую руку. Ещё несколько взмахов, и оба клинка, со свистом рассекая воздух, сошлись на шее рыцаря «ножницами», чтобы...

— Хватит! — раскатилось по залу.

Этот холодный властный голос остановил лезвия в полудюйме от покрытой испариной кожи. Мгновение-другое Людо боролся с собой и наконец опустил руки, разжав пальцы. Мечи со звоном скользнули на пол, а сам он сделал шаг в сторону бледной леди Катарины и припал на одно колено.

— Я лишь исполнял желание Вашей Светлости.

Похоже, она и сама не верила, что он послушается. В широко распахнутых глазах отражалась расплзающаяся перед креслом лужа, в которой, хрипя, ползал Марлант. Леди Катарина поспешно отдёрнула дорогие парчовые туфли. В отдалении точно так же стонал Эйк, а в воздухе витал тяжёлый запах пота и крови.

Опомнившись, Её Светлость потянулась к колокольчику, но Людо, одним прыжком оказавшись рядом, перехватил пальцы.

— Я лишь исполнял желание Вашей Светлости, — повторил он.

— Руку! — прошипела она, но голос чуть заметно дрожал. Наверное, поэтому, когда брат отступил, приказала ещё более резко: — Помогите им.

Людо послушно приблизился к Эйку, не слишком церемонясь, выдернул клинок, закинул его руку себе на шею и поднял. Вскоре лишь лужа на полу напоминала о недавней схватке, а фруктовый нож был обтёрт и возвращён с почтительным поклоном леди Йосе. Девушка взяла его, не отрывая от брата горящих глаз, в которых, в отличие от матери, не сквозило страха или беспокойства — только голодное восхищение.

Хозяйка замка уже успела принять прежнее уверенное выражение. Помогали ей в том подлокотники и талисман. Пальцы привычно пробежались по округности.

— Значит так: эту ночь проведёте здесь, а завтра отправитесь в путь. Сестра в качестве фрейлины, ты — оруженосцем.

Людо едва заметно поиграл желваками. Ему уже семнадцать. Будь отец жив, брат бы давно получил рыцарское звание. А вместо этого вынужден довольствоваться подроспешной одеждой и дешёвым кинжалом, который рассыплется под первым же ударом хорошо прокалённой стали.

Злость он скрыл за почтительным поклоном:

— Вы сама доброта, госпожа.

— Королевский замок покинете через неделю-две, со свитой леди Йосы, — продолжила Её Светлость наставления. — Получите остаток платы и можете отправляться, куда пожелаете. Но! — Она позволила тишине веско повисеть. — Никто и никогда — ни до, ни после — не должен узнать о нашей сделке.

— Никто и никогда не узнает, госпожа, в этом мы с сестрой клянёмся.

Поверила леди Катарина подозрительно легко.

— Знаю, что так оно и будет, — ласково улыбнулась она и наконец позвонила в колокольчик.

* * *

Вызванные служанки повели нас с братом тёмными переходами. Одна из девушек загремела ключами у крайней угловой двери.

— Сюда, миледи.

Я не шелохнулась, глядя, как вторая увлекает Людо дальше.

— Куда ведут моего брата?

— На мужскую половину, миледи. — Девушка толкнула створку, приглашая войти, но я продолжала растерянно смотреть ему вслед.

Спокойную уверенность, не покидавшую меня на протяжении всего тщательно отрепетированного представления, в котором от меня требовалось изображать перед старой ведьмой робость, давить румянец, при необходимости слёзы, и шептать ответы покорным тоном, вытеснил безотчётный страх из-за разлуки с Людо в этом чужом доме. А вдруг они обо всём догадались и теперь специально разделяют нас?

В конце коридора брат обернулся и чуть кивнул мне.

— Пожалуйста, миледи, мне нельзя задерживаться, — настаивала девушка.

В худом большеносом лице не было почтительности, проявившейся при хозяевах, только нетерпение и затаённое любопытство. Наш с Людо вид наверняка подсказывал, что с такими гостями можно не церемониться. Слуги, как собаки, чуют разницу между господами и понимают, что знатное происхождение ещё не гарантирует богатства. Даже «миледи», произносимое нехотя, сквозь зубы, превращалось в «м'леди».

Я пригнула голову и переступила порог. Внутри меня никто не поджидал. Только стылая комната с циновкой на полу и белёными голыми стенами, не прикрытыми гобе-

ленами. Здесь оказалось ещё холоднее, чем в коридоре, из щелей нещадно дуло. По одну сторону от узкой кровати помещался напольный канделябр с сальной свечой, а по другую — горизонтальный стержень, укрепленный на двух других, вертикальных, — чтобы вешать одежду. В стенной нише стояли две фигурки — Праматери и Покровителя рода Венцель.

Крохотная комнатка четыре на шесть шагов вдруг показалась мне огромной и пустынной. Впервые в жизни мне предстояло ночевать одной. В детстве я делила покои с кузиной, няней и кормилицей, а после рядом всегда был Людо. Как заснуть, если он не будет дышать мне в волосы? Не говоря уже о том, что ему нельзя спать в общей комнате... Надеюсь, у него тоже отдельная. Хотя бы такой же чулан.

Дверь громко захлопнулась, и я невольно отшатнулась от подошедшей вплотную служанки.

— Я помогу вам раздеться, миледи.

— Не нужно, — уклонилась я. — Справлюсь сама.

Тупое удивление на её лице сменилось презрением. Леди не должны одеваться и раздеваться сами, но за последние годы я отвыкла от слуг и чужих прикосновений.

— Как пожелаете, м'леди. Леди Катарина сказала, что вы будете ужинать здесь. — Она указала на поднос с холодным мясом, фруктами и лепёшками, сразу приковавшими моё внимание. Отдельно — сезонное вино. — А вот тут, — выдвинула она верхний ящик комода, — полотенце.

Я молча кивнула, мечтая, чтобы она поскорее убралась. Наконец она так и сделала.

При служанке я сдерживалась, но стоило двери закрыться, кинулась к снеди и принялась судорожно заталкивать в себя лепёшки. Глотала, почти не прожёвывая, и уже хватая следующую. Потянувшись за очередной, случайно опрокинула поднос со всем содержимым на пол. Тут же бросилась на колени, шаря дрожащими пальцами, подбирая безвкусные, не первой свежести кругляши, и ела-ела-ела, лишь бы заглушить эту сосущую резь в животе, от которой мутит уже третий день. Потом торопли-

во давилась мясом и фруктами, набивая полный рот, размазывая сок по щекам, чувствуя, что уже хватит, давно хватит, но была не в силах остановиться — пока желудок не скрутило от боли. Выплюнув остатки сливы, еле успела подтащить таз для умывания, куда меня и вывернуло.

Когда стих последний спазм, попыталась встать, но комната поехала перед глазами, завалив обратно, и я скрючилась, обхватив живот. Отдача от превращения, нервное истощение — мне лишь казалось, что я спокойна, тогда как всё это время была натянутой тетивой, — и голод вконец измотали. Прикрыв глаза, я постаралась дышать глубже. Дурнота постепенно отступала, сменяясь слабостью и ознобом. Исподнее противно липло к телу, но сил не доставало даже пальцем шевельнуть, не то что подняться с продуваемого пола.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем в коридоре послышались осторожные шаги. Скрипнула дверь, и в комнату заглянул Людо. Замер, застав кровать пустой, но тут же увидел меня на полу. Стремительно пересёк комнатушку, подхватил на руки и отнёс на постель.

— Совсем худо? — спросил он, убирая с моего лба прилипшие пряди.

— Терпимо, — прошептала я, стыдясь своей слабости.

Я привыкла: меня часто тошнит — от голода, страха, отдачи.

Он оглядел меня, потрогал шею.

— Ты вся мокрая. Сейчас, погоди.

Не обращая внимания на вялые протесты, расшнуровал рукава моей котты¹ и стянул её с меня, оставив в одной только камизе². Смешал вино с водой для умывания, смочил полотенце и, усевшись в изголовье, подтянул ме-

¹Европейская средневековая туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами и небольшим вырезом горловины. Котту надевали на камизу. Поверх можно было носить сюрко.

²Мужская и женская средневековая нижняя одежда, подобие туники с длинными рукавами. Камизу можно рассматривать как белье и прототип рубашки; её изготавливали из полотна.

ня к себе за подмышки. Устроив затылком на груди, принялся протирать лицо, шею, руки.

Влажная прохлада приятно успокаивала, и вскоре мне полегчало. Дыхание выровнялось, озноб отпустил, лишь слабость и боль в животе никуда не делись, хотя последняя из режущей превратилась в тупую, ноющую.

Закончив, Людо отбросил тряпку, заставил меня прополоскать рот остатками вина и принялся ворошить и перебирать пряди, массируя кожу головы, и тепло мало-помалу стало возвращаться в тело, растворяя отголоски мути. Спустя недолгое время сил уже достало на то, чтобы шевельнуться и произнести:

— Обязательно было выдываться? Там, в зале.

— А должен был подставить им шею? — разозлился он в ответ.

Прокушенная от страха за него щека снова засадила, а пальцы судорожно вцепились в его котту. Людо успокаивающе приобнял меня, клюнул в висок, сказав уже мягче:

— Ну, чего трясёшься? Ты же их видела: чисто мухи в патоке. А я каждый день тренируюсь.

— Не безоружным против меча, — возразила я, приподнимаясь, чтобы взглянуть на него. — С ним ты давно не упражнялся.

Но брат уже не слушал, отрешённо рассматривая свою руку.

— Знаешь, когда я его держал... — пальцы сомкнулись вокруг невидимой рукояти, заново переживая те мгновения, и его лицо просветлело.

— Знаю, Людо, — тихо ответила я, и он, придя в себя, сердито опустил кулак. Тогда огрызнулась уже обычным тоном, укладываясь обратно: — И я не трясусь. Никогда. И не собираюсь начинать сейчас.

— Я, что ль, собираюсь помереть в шаге от цели?

Цель... одно это слово пустило по хребту липкий трепет. Но то был страх уже не за него и даже не за себя, а совсем иного рода — страх подвести, не справиться, *не оправдать*. И он выворачивал нутро, как не способен ни один голод. Людо, как всегда, прочёл мысли.

— Всё получится, — уверенно произнёс он, продолжив перебирать мои пряжи. — Ещё вчера мы ночевали на вонючей подстилке, а через неделю будем в королевском замке. Просто помни, кто ты такая, Лора.

— Кто *мы* такие, — поправила я.

— Мы, — согласился он, не замечая, что рука уже не гладит, а болезненно дёргает. В глазах нарастал знакомый горячечный блеск. — Когда силы закончились, ищи их в ненависти и никогда ни на единый миг не забывай, что они сотворили.

Я помню. Вот уже семь долгих лет я не ощущаю ничего, кроме ненависти. Я просыпаюсь с её горьким привкусом на губах и с ней же засыпаю. Она проросла в душу, пустив ядовитые побеги и изгнав все прочие чувства, как плющ-душитель оплетает ствол дерева, пока не доберётся до вершины, оставив по себе лишь гниющую сердцевину. Порой кажется, что и волосы у меня так черны от тлеющей внутри злобы, и росту не прибавляется, потому что чувство это пьёт все соки.

Вместо ответа я вытянула руки, изучая обкусанные, с тёмной каймой, ногти и воспалённые заусенцы.

— У леди Йосы такая гладкая белая кожа... — Я невольно погладила кисть, вспомнив, каково это, ощущать на себе её бархатистую нежность.

— Не сравнивай себя с ней, — вскинулся Людо. — Я еле сдерживался, когда эта потаскуха смотрела на тебя так, свысока!

— Не хочу её кожу, — заявила я, помолчав. — Ей, небось, больно дотрагиваться такими мягонькими ручками до вещей.

Людо хохотнул, а потом мы опустились на колени возле кровати и прочли ежевечернюю молитву, которую сочинили много лет назад, когда всё случилось:

«Да будут дни их кратки, а достоинство поругано. Да будут дети их сиротами, мужья и жёны вдовыми, а дома разорёнными до основания. Да угаснет их род, и да проникнет в них проклятие до самых костей».

Перечислив имена, улеглись обратно, лицом к лицу. Волосы наши смешались — чёрное к чёрному.

— Людо...

— Да?

— Я хочу повидаться с Артуром.

Он вмиг подобрался и отодвинулся.

— Нет.

— Пожалуйста. Мы не виделись с прошлой луны. Просто чтобы знать, что с ним всё в порядке.

— Со слизняком всё в порядке.

— Но...

— «Нет» я сказал! И не смей больше об этом просить!

Я вздохнула: знала, что так будет, однако попытаться стоило. Людо собрался отвернуться, но я положила руку ему на плечо, и он, поколебавшись, не стал этого делать. В комнате ещё сильнее похолодало. Прижавшись к брату и дождавшись, пока обнимет, я закрыла глаза и мысленно попросила Гостя не приходить сегодня в мой сон. Но он, конечно, не послушался. Наверное, за семь долгих лет он не пропустил ещё ни одной ночи.

И если в отведённой мне комнатухе тело ломило от холода, то теперь рядом пылал огромный, жарко нагретый камин. В руках у меня двузубая вилка, на другом конце которой подрумянивается гренка. Языки пламени с треском облизывают вишнёвые поленья и тоже напрашиваются на угощение.

Я оборачиваюсь на скрип двери и вскакиваю. Дыхание сбивается, а сердце колотится от радости при виде вошедшего. Кажется, ещё никогда я не встречала человека красивее и уж точно не видела рыжие волосы. Они у него с каким-то чудным медовым отливом и вьются почти до плеч. Глаза серые... нет — стальные, цвета папиного меча. На плечах — подбитый мехом плащ, а в руках чёрная шкатулка с серебряным псом на крышке. Подошвы дорогих кожаных сапог ступают мягко. Я готова визжать от восторга! Подбегаю, протягивая руки:

— Это они? Вы всё-таки принесли?

Приходится задирать голову: я до обидного мелкая, даже для своих девяти лет.

— Да, — смеётся он, откидывая крышку, — обещал ведь угостить.

— Долго же вы их несли! — ворчу я, жадно разглядывая семь ровных шариков размером с грецкий орех. Марципановые конфеты... Аромат незнакомый, дурманящий. Мне не терпится их попробовать, но внезапно сковывает робость.

— Можно?

— Конечно. — Он достаёт длинными красивыми пальцами конфету и подносит к моим губам. — Открой рот.

Я послушно открываю, неприлично широко для леди, и уже через мгновение сосредоточенно жую угощение.

— Ну ты и жадина, — снова смеётся он.

Но я не слушаю: чем дальше, тем большее разочарование меня охватывает.

— Они похожи на... каштаны.

— Естественно. — Мужчина усаживается возле очага, вытягивает ноги и ставит рядом шкатулку. — Ты же никогда не пробовала марципан, вот и представляешь на его месте что-то знакомое. Попробуй следующую, она будет любой, какой пожелаешь.

Я чувствую себя глубоко обманутой и колеблюсь: может, стоит обидеться и уйти? Но уходить от него не хочется. Поэтому тоже присаживаюсь на шкуру и, уже не стесняясь, хватаю вторую конфету. Загадываю вкус засахаренных апельсинов с корицей и имбирём, которые у нас дома подают по воскресеньям, и получаю его. Особую прелесть лакомству придаёт то, что сегодня точно не воскресенье.

— Вы тоже угощайтесь, — великодушно предлагаю я, но Гость уже не слушает. Поднялся на ноги и внимательно изучает наш камин. Ощупывает барельеф, скользит взглядом по каменному колтаку, сужающемуся к потолку, — наверное, интересуется росписью со сцена-

ми из героических сказаний. Я-то уже давно изучила её вдоль и поперёк. Он даже пытается заглянуть внутрь, закрываясь ладонью от искр.

Мне скучно и хочется, чтобы он уже поскорее забыл про камин и обратил внимание на меня, поэтому спрашиваю:

— А у меня могут быть такого же цвета?

Гость удивлённо оборачивается, и я тычу в его шевелюру. Золотые пряди шевелятся от сухого жара, как языки пламени позади.

— Если будешь долго лежать на солнышке, — усмехается он, но глаза остаются холодными.

Наконец садится обратно. Шкатулка уже пуста, поэтому я придвигаюсь ближе и прижимаюсь щекой к его плечу, вдыхая острый запах восковницы¹ и дыма.

— Можете посидеть со мной до утра?

Гость опускает глаза. Теперь они странно светлые, почти лишённые радужки и зрачков.

— Спи, маленькая Хамелеонша. Я никуда не уйду.

Накатывает вяжущая дрёма. Я смеживаю веки, чтобы в следующий миг проснуться в своей стылой комнатушке. Людо уже ушёл, тело затекло от неудобной позы, а за окном занимается промозглый рассвет.

3

К приходу вчерашней служанки я была полностью одета и причёсана, за что получила ещё один презрительный взгляд, в ответ на который протянула испачканный таз.

Сообщив, что скоро придёт мастерица, а мне веле-но не покидать комнату, девица оставила завтрак и удалилась. Наученная вчерашним, я сдерживалась, откусывая кровяную колбасу небольшими кусочками и тщательно

¹Дерево, плоды которого круглые, тёмно-красные или бордовые, с шершавой поверхностью и обычно покрыты воском.

прожёвывая. Несколько гренок, которые не смогла до-есть, спрятала про запас. Вряд ли нам с Людо придётся голодать в ближайшие дни, но всегда лучше иметь что-то под рукой.

Служанка вернулась, ведя за собой высокую дородную женщину с пёстрым ворохом тряпья в одной руке и корзинкой для рукоделия в другой. Незнакомка оказалась портнихой, а одежда — старыми нарядами леди Йосы, которые предстояло перешить под меня.

Мои щёки вспыхнули от гнева и унижения. Показать-ся в королевском замке в обносках потаскухи. Ещё и пахнуть, как потаскуха: от нарядов исходил тяжёлый сладкий аромат. Но выбора не было. Других платьев, кроме того, что на мне, я не имела.

Портниха подоткнула подол, сунула в рот веер булавок и приступила к делу. Привычные к работе руки уверенно крутили меня, обмеряя. За работой женщина тихонько пела на незнакомом наречье. Наверняка захвачена в одном из набегов, но уже давно — успела хорошо выучить язык.

Одежду пришлось сильно укорачивать и ушивать в талии и груди. Игла мелькала в смуглых пальцах серебряной искрой. Весь день я провела в комнате, вдали от Людо и остальных, наблюдая из окна приготовления и слушая стук кузнечного молота. Свиари во дворе вымешивали кровь, и над бочкой поднимался пар. Когда колокол прозвенел девятый час¹, во двор въехала повозка, куда начали перетаскивать сундуки леди Йосы. К тому моменту в моём распоряжении было полдюжины нарядов на разные случаи.

Завершив работу, портниха молча собрала швейные принадлежности, попрощалась, глядя в пол, и удалилась. Уложить вещи в сундук помогла служанка. На сей раз я не отказалась от её услуг, хотя бы потому, что никогда сама этого не делала и понятия не имела, с чего начать. Она устроила наряды так, чтобы они поменьше измялись в пу-

¹В переводе с молитвенных часов — три часа дня.

ти, оставила только дорожное платье. Сундук понесли вниз, а меня вызвали к леди Катарине.

Она ждала во вчерашней зале, одна.

— А где Людо? — повертела головой я.

— Уже во дворе, с остальными. — Она обошла меня кругом, оглядывая подогнанное по фигуре платье, тронула волосы и снова остановилась напротив.

— Напоминаю: ни одна живая душа не должна узнать о нашей сделке. Отныне для всех ты леди Лорелея Грасье. Обладаешь чудным голоском, и только.

Род Грасье... не слишком знатные, из них выходят придворные живописцы, танцоры, певцы, писаки, в общем, слабые, годные лишь для мирного времени люди. Неудивительно, что их дом в упадке.

— Я не умею петь.

— Тебе и не придётся. Никто не станет проверять. Вы с братом прогостите в королевском замке самое большое пол-луны, а потом у вас внезапно помрёт бабка или любой родственник на выбор, вынудив спешно отбыть вместе с моими людьми обратно. За время своего краткого пребывания вы не будете ничем выделяться, никому нравиться и ни с кем сблизиться, чтобы после отъезда ни единая живая душа не могла припомнить даже примерно ваши черты. И пусть твой брат попридержит норов, вчерашнее не должно повториться. Это ясно?

Попридержит? Людо?

Кровь уже отёрли и присыпали пол свежей травой, но бурый след остался.

— Да, госпожа.

— Вот, — она протянула мне бархатный мешочек, — один тебе, второй брату.

Я развязала тесёмки и вытряхнула на ладонь талисманы из смарагда в форме павлина, Покровителя рода Грасье. Фальшивые, конечно.

— Благодарю, госпожа. И ещё: в замке мне понадобится отдельная комната.

— Зачем? — нахмурилась она, и я понимала её сомнения: замки строятся для обороны, а не красоты — лишних

помещений там нет. Даже в нашем, считавшемся некогда одним из крупнейших, ночлег гостям устраивали в спальне родителей, устанавливая там шатры и клоте¹.

— У меня случаются... припадки, связанные с особенностями дара.

— Что ж, — задумчиво откликнулась она. — Я отдам распоряжение.

— Благодарю, госпожа.

— Теперь ступай.

Уже в дверях она снова меня окликнула.

— Проверка первой ночи должна пройти безупречно, леди Лорелея Морхолът-Грасье. Цена ошибки выше, чем ты можешь себе позволить.

А то я не знаю. И мы с Людо ни сном ни духом, что никакой второй части платы не предусмотрено. Интересно, нас собираются убить в королевском замке или на обратном пути? Не зря же брата проверяли на умение драться.

— Да, госпожа.

— Всё, иди.

* * *

Людо тоже переоделся. Ему очень шёл расшитый пурпуэн². Когда я спускалась по ступеням, придерживая платье спереди, он не отрывал от меня взгляда. Потом протянул руку и помог забраться в повозку. Я тотчас позавидовала брату, который поедет верхом: внутри было душно и пахло чем-то несвежим. Там уже сидела дуэнья³ средних лет с необъятным задом и пышными, как дрожжевое тесто, руками. Похожий на сердечко рот напрасно пытал-

¹Постель-ниша, напоминающая внешним видом шкаф или комод. Вход мог закрываться занавесками или деревянными дверцами.

²Средневековая стёганая мужская куртка с узкими рукавами.

³Почтенная женщина, которую приставляли к незамужним девушкам, чтобы следить за соблюдением приличий.

ся принять суровое выражение, голову венчал внушительный чепец с двумя рогами, от каждого из которых спускалась вуаль. Униженные перстнями руки прижимали к плотно обтянутой груди ларец из слоновой кости.

Женщина оказалась вдовой Хюсман, сопровождающей нас с Её Светлостью как незамужних девушек, а в ларце хранились драгоценности леди Йосы. Из мужчин кортеж, помимо Людо, сопровождали ещё полтора десятка человек свиты и охраны. Дорога должна была занять чуть больше недели, поэтому позади в фургончике с провизией ей предстояло трястись кухарке.

Наконец на крыльце показалась леди Йоса. На верхней площадке она ненадолго задержалась и обернулась на замок, ища глазами какое-то окно. В нём никого не оказалось. Тогда она вздёрнула подбородок и продолжила путь, уже не оборачиваясь.

Один из рыцарей толкнул товарища в бок и кивнул на неё. Оба уставились на спускающуюся по ступеням девушку, как на сходящую с небес Праматерь Покровителей.

Она была действительно ослепительна в своём тёмно-синем блио и мантии поверх. Ниспадающие от локтя до земли рукава волочились по ступеням, а волосы оборачивали её вторым плащом, раздуваясь от ветра. Не смотрел в её сторону только Людо. Он в этот момент подтягивал стремя.

Устроившись на сиденье, леди Йоса небрежно кивнула нам, и вскоре кортеж тронулся в путь.

Стояла ранняя весна, и дороги раскисли от грязи, но местами ещё не сошёл снег. К вечеру выглянуло солнце, и белые островки блестели, как сахарные.

В окно я практически не глядела, предпочитая рассматривать пышные орнаменты, которыми изобиловали одежды сидящей напротив вдовы. В отличие от леди Йосы, я не испытывала никаких чувств, покидая это место. Меня занимала только предстоящая цель. Когда замок скрылся из виду, Её Светлость тоже откинулась на подушки.

— Развлеките меня, леди Лорелея.

— Развлечь? Как?

— Расскажите что-нибудь. Уверена, у вас скопилось немало историй. — Она подняла бровь.

Историй и правда немало. Про что ей рассказать? Как ненавидишь лето и зиму, потому что любить их — роскошь, доступная лишь тем, кто может в любой момент укрыться от зноя и холода за надёжными стенами? Или про первые регулы? Как выла полдня посреди поля, схватившись за живот и не понимая, что происходит, а Людо укачивал меня, не зная, как помочь, и боясь оставить одну, чтоб привести лекаря. Или про то, какое наслаждение иметь нормальную обувь...

— У меня была скучная жизнь, миледи.

Она хмыкнула, но не настаивала.

— Тогда вы, госпожа Хюсман.

Та проявила большую готовность. Но её леди Йоса вскоре сама остановила, устав слушать сбивчивую болтовню, полную далёких от реальной жизни нравоучений.

— Хватит. — Она скинула обувь и пристроила ноги на сиденье напротив. Вдова Хюсман потеснилась с недовольным видом.

— Не думаю, что молодой девушке пристало так...

— Вам платят за сопровождение, а не за мнение, — оборвала леди Йоса и, повернувшись ко мне, полуутвердительно спросила: — Вы ведь не умеете читать?

И очень удивилась, услышав:

— Умею...

Тогда она велела достать из-под сиденья сундук с книгами. Порывшись, кинула мне небольшой том.

— Начинайте.

Рыцарский роман.

— Что-то не так? Вас смущает тема?

Я пожалала плечами и открыла первую страницу. Она поразилась бы тому, сколь мало вещей в этой жизни способны меня смутить. Несколько мгновений я тупо рассматривала буквы.

— Так умеете или нет? — раздражённо спросила она.

— Умею, просто давно не практиковалась.

— Я могу рассказать по памяти Жития Святых, — подала голос вдова, неприязненно поглядывая на рукопись у меня в руках. Она была неграмотная, как и абсолютное большинство жителей королевства, включая, как оказалось, саму леди Йосу. К чему знати грамота, если читают за них чтецы, а пишут писцы? А простолюдинам она и подавно не нужна.

— Нет, пускай леди Лорелея, у неё голос приятнее.

Это неправда: мой голос низковат для девушки и с хрипотцой. Но вдова тараторит и захлёбывается словами, будто боится, что её хватит удар, прежде чем она успеет досказать всё, что хотела. Не велика потеря, если так.

Я прокашлялась и начала. Сперва шло туго. Я запинаясь, делала большие паузы, читала несколько раз трудное слово про себя и лишь потом вслух, часто ошибалась в буквах. Леди Йоса кривилась и фыркала:

— Это ужасно!

— Мне прекратить?

— Нет, читайте дальше.

С какого-то момента пошло легче, и я могла произносить слова, не отвлекаясь на смысл.

Грамоте нас с Людо обучил мэтр Фурье. Его наняли, когда брату исполнилось восемь. Под нашей крышей он прожил два года.

Моя учёба не входила в планы, но, поскучав без Людо неделю-другую, я тоже заявила на занятие. Не потому что хотела учиться, просто лучшие скучать вместе, чем порознь. Мэтр вышвырнул меня, не слишком церемонясь. Но я не отступалась и постепенно продавала ситуацию. Учитель пожаловался отцу, а тот, вместо того чтобы разделить возмущение, неожиданно дал согласие на посещение мною уроков.

Сперва я сидела в стороне, стараясь быть как можно незаметнее — именно на таком условии меня допустили до занятий. Через пару недель переместилась поближе, потом вывела первую букву. Месяц спустя уже

занималась наравне с Людо, хотя удовольствия от процесса так и не научилась получать. Брат же испытывал к учёбе глубокое отвращение. И науки отвечали взаимностью. Труднее всего ему давалось чистописание. Порой я удивлялась, глядя, с каким трудом он выводит пляшущие кособокие закорючки. Его стило¹ натужно скрипело и дёргалось, снимая восковые стружки, словно пыталось проткнуть табличку насквозь. У меня же без особых усилий выходили ровные красивые строки, даже лучшие, чем у мэтра Фурье. Я не понимала, почему брату так сложно.

Больше, чем свою работу, учитель ненавидел только нас. Радовался ошибкам, дававшим возможность лишний раз пустить в ход ферулу². Но вообще-то в поводах для наказаний не нуждался. Порой после занятий мои пальцы распухали так, что кормилица долго охала и причитала, исцеляя их в ванночках с ромашкой. Это лишь подкрепляло её уверенность, что всё зло от ученья. Но отцу я жаловаться запретила. Боялась, что он отлучит от занятий. Поэтому ненавидела мэтра Фурье молча и, конечно, мстила при каждом удобном случае, но так, чтобы ничего нельзя было доказать: кидала мух в чернильный рожок, пачкала его стул, портила кончики перьев...

В учителе вызывало омерзение всё: начиная с залысин и хрящеватого вечно влажного носа и кончая тяжёлым луковым духом. К последнему частенько примешивался кислый винный. Проигравшись в кости, он приходил злее обычного и бил сильнее.

Людо никогда не таился. Огрызался в открытую, в ответ на брань не лез за словом в карман, швырял в мэтра грамматикой. А однажды, когда тот задремал, за-

¹Инструмент для письма в виде остроконечного цилиндрического стержня из кости, металла или другого твёрдого материала. Им в Средневековье писали на восковых табличках.

²Линейка для наказаний, которой били по пальцам или ладоням провинившегося ученика в Средневековье.

лил чернилами пухлую стопку пергаментных листов — каждый в отдельности, — которую учитель неизменно приносил с собой на занятия и заполнял прилежными строчками, пока мы с Людо корпели над очередным заданием.

Под пафосным заголовком прятался «труд всей жизни». Бессмысленный и безнадежно скучный набор букв, пустая трата пергамента. Каждое предложение было составлено так, чтобы поразить словоблудием и скрыть смысл. Никто и никогда в здравом уме не стал бы это читать.

Идея принадлежала мне, но брат взял всю вину на себя. До того дня мы не думали, что он может всерьёз нам навредить...

Мэтр орал и бранился так, что поморщился даже отец. Ничто, ничто в целом мире и за его пределами не способно восполнить его утрату! И не существует наказания, соразмерного совершённом преступлению. Таких мелких ублюдков, как Людо, нужно рвать клещами, лить в глотку кипящий свинец и заставлять лизать раскалённые котлы у Ваалу!¹ Ничего из этого отец не разрешил. Только велел высечь брата розгами.

Пороли Людо на конюшине. Хотели поручить это груму, но мэтр Фурье взял расправу в свои руки.

Я спряталась у входа.

— Снимай рубаху.

Прошуришала ткань.

— Обопрись о козлы. — И после паузы: — А теперь проси прощения, дабы Праматерь смягчила мою руку.

— Обойдёшься, шлюхин сын! Чтоб тебе сдохнуть нагноище! Так пори.

В ответ разразилась брань на родном мэтру Фурье кэльском языке. Этим словам он нас не учил.

Я считала удары. Самым страшным был первый. Его ожидание. Сперва тишина, густая и звенящая, даже воз-

¹Владыка подземного мира, подстрекатель людей к совершению грехов.

ня в стойлах прекратилась, потом резкий свист и удар о голую спину. Испуганное конское ржание, и снова тишина... Я вздрогнула всем телом, словно ударили меня. Свист, удар, тишина. Свист, удар, тишина. Они повторялись жуткой извращённой музыкой.

Перед глазами всё расплывалось, меня мутило, и душили слёзы. При каждом ударе я изо всех сил щипала себя за предплечье, чтобы разделить с Людо боль. Может, разделённая, она легче переносится?

После первого десятка удары стали громче, ожесточённое.

Людо ни разу не вскрикнул, вообще не издал ни звука. Зато мэтр Фурье пыхтел, как загнанный кабан. Двадцать ударов спустя учитель практически выбежал из конюшни, красный и взмыленный. Свалившаяся биретта¹ открывала блестящую от пота лысину. Он на миг остановился, задрав голову к небу и прикрыв глаза, шумно выдохнул, отшвырнул розги и направился к замку широким шагом. Длинные полы одежд развевались, как крылья у летучей мыши.

Я скользнула внутрь и поморгала, чтобы привыкнуть к полутьме. Брат сидел возле стены, дрожая и спрятав голову между коленей.

— Людо, — тихонько позвала я, опускаясь рядом.

Он вскинул воспалённые глаза — воспалённые не от слёз, от бешенства. Из прокушенной губы сочилась кровь. Взмоклишие чёрные пряди прилипли ко лбу.

— Очень больно?

— Уйди, — глухо сказал он, отворачиваясь.

Я тронула его за руку.

— Покажи...

Брат дёрнул плечом и, морщась, повернулся. Я закусила кулак, чтоб не заорать: каждый дюйм спины пропахали багровые рубцы.

¹Традиционный головной убор студентов, учёных и людей искусства в Средние века.

Всхлипнув и не зная, что ещё сказать, приспустила платье, демонстрируя распухшее от щипков предплечье:

— Смотри, мне тоже больно..

Людо только фыркнул.

Тогда я огляделась, вскочила и подобрала из кучи в углу старую ржавую подкову.

— Мне тоже больно, — повторила я, упёрла растопыренную пятерню в землю и со всей силы саданула тяжёлой железкой.

Наверное, потеряла сознание, потому что не помню, чтобы кричала, а очнулась уже возле стены. Голова покоится у Людо на плече.

— Дура, — сказал он, поглаживая меня по волосам.

Я с трудом подняла руку, ставшую тяжелее чугунной чушки, и уставилась на раскоряченные пальцы. Долго заворожённо разглядывала кисть, пока она раздувалась и наливалась синевой. Боли почти не чувствовала: конечность онемела до самого плеча.

— Надеюсь, твоё пожелание сбудется, — прошептала я, вытирая здоровой рукой испарину со лба брата.

— Какое?

— Пусть мэтр Фурье сдохнет нагноище.

Его губы тронула странная улыбка.

К тому времени, когда нас нашли, мои пальцы успели почернеть, а его раны загрязниться. Я плохо помню, что было потом. Помню, что умирала от жажды. А ещё вырывалась, кусалась и визжала, чтобы они не смели пороть Людо.

Три следующих дня провалилась в горячке, приходя в себя и снова проваливаясь в багровый туман, где свистели розги и кто-то с хрустом выворачивал мои пальцы. Время от времени мне с силой разжимали зубы, вталкивая вместе с ложкой горькое, как жёлчь, лекарство. Я часто металась, звала брата и не верила кормилице, уверявшей, что с ним всё в порядке. Успокоилась, лишь когда она тайком провела его в мою комнату. После его ухода на покрывале остался апельсин с ужина.

Рука зажиwała месяц. Указательный палец так и не сросся правильно, остался кривоватым и плохо слушается, так что почерк с тех пор почти не уступает дёрганым закорючкам Людо. Мэтра Фурье я больше никогда не видела. Через неделю после порки, задолго до того, как я вышла из комнаты, его зарезали, ночью, по дороге из кабака.

— Мертвецки пьяного, — шептала кормилица нянюшке, думая, что я сплю. — Точнёхонько под крайнее ребро ударили, вот здесь, — она показала справа. — Конавал сказал-де, от такого сразу мрут. И пырнул знающий, снизу вверх.

— Или кто-то ростом малый, — шепнула нянюшка.

— И кошель-то не забрали, — добавила кормилица, и обе посмотрели в мою сторону.

Я прекратила чтение, когда опустились сумерки, и в повозке стало совсем темно. Только волосы леди Йосы и перстни вдовы поблёскивали в полумраке. Спроси кто меня, о чём был отрывок, я бы не ответила.

Леди Йоса провожала взглядом пейзаж за окном. Контуры полей в лиловой вечерней дымке, грохочущие ленты речушек и холмистые долины, похожие издали на обтнутые мхом валуны.

— Вокруг королевского замка сплошь горы, я смотрела по карте, — задумчиво произнесла она. — Буду скучать по равнинам.

— Местность, где стоит замок Его Величества, славится прекрасными видами, — встряла вдова, — многие животные и растения водятся только там. И раз уж вы будете там жить, то должны знать, что...

Её трескотню никто не слушал. Есть люди, которые упиваются звуком собственного голоса и помрут, если не воткнут вам в глотку своё очень ценное мнение.

Заснула она неожиданно, прямо на полуслове, обозначив это событие всхрапом.

— Слава Праматери! — закатила глаза леди Йоса и обрattилась в окошко к ближайшему рыцарю: — Долго ещё до привала?

Тот придержал коня и поравнялся с нами.

— С четверть мили, миледи.

Она кивнула, и рыцарь снова ускакал вперёд. Взгляд Её Светлости ещё побродил по пейзажу и остановился на ехавшем неподалёку Людо. Изучающе окинула его сверху донизу, и рука потянулась к груди.

— А ваш брат красив... даже очень, — заметила она, лениво водя пальцем вдоль кромки выреза и не потрудившись понизить голос. Правда, Людо все равно не мог слышать из-за шума дороги.

Мне не понравился ни взгляд, ни жест. Хотя Её Светлость права: насмешкой Праматери из нас двоих вся красота досталась именно брату, которому она и даром не нужна. А в этот момент он был особенно хорош, сидя в седле так, словно не было всех этих лет без регулярных тренировок. Новый костюм плотно облегал фигуру, ветер трепал спускавшиеся до плеч волосы, а глаза блестели, как два оникса. Только ни он, ни я не нуждаемся в её одобрении.

— Красотой терновника, — заключила она, откидываясь на подушки.

На ночь остановились в лощине. Рыцари разбили небольшой палаточный лагерь, а для леди Йосы, меня и вдовы установили шатёр. С учётом жаровни, походного трюмо и двух сундуков, которые велела перетащить туда Её Светлость, места осталось лишь на то, чтобы не спать друг на дружке.

В ожидании ужина рыцари собрались вокруг костра и подначивали хлопочущую над котелком кухарку, травили шутки. Людо сидел в стороне, натачивая о камень дрянной меч, который ему выдали по приказу леди Катарины. Почувствовав мой взгляд, поднял голову. В следующий миг меня снова отвлекла возня у костра.

— Поди ж ты, какой резвый! — воскликнула кухарка, замахнувшись половником на самого рукастого из мужчин, ущипнувшего её за зад. Тот ответил наглой улыбкой и подмигнул остальным.

— Что вас там так заинтересовало? — раздражённо позвала леди Йоса. — Лучше помогите мне разобраться вещи.

Я поправила полог и вернулась в глубь шатра.

Когда позже вышла за порциями для неё, вдовы и себя, смех стих. Рыцари провожали меня взглядами, в которых не читалось ни угрозы, ни дружелюбия — только угрюмая насторожённость. Точно так же смотрели и на брата. Им сказали официальную версию, в том числе про тяжело раненных и чудом выживших Марланта и Эйка, но кто запретит людям строить догадки о появившихся в последний момент чужаках, чей измождённый вид не соответствует заявленному высокому статусу?

— Миледи, — кухарка сделала неуклюжий книксен.

Я забрала поднос с едой и подождала, пока один из рыцарей приподнимет полог шатра.

На ужин был варёный угорь и пирог с крольчатинной и миндальным молоком. Соли в лепёшке было в самый раз. А я уже и забыла, каково это, когда ею не отбивают затхлость плесневелой муки... За истекшие годы эти два вкуса стали для меня неотделимы. Когда-нибудь буду питаться только пресным.

Ритуал отхода леди Йосы ко сну оказался изматывающе долог — голоса снаружи успели утомиться. Заодно выяснилось, зачем ей понадобилось аж два сундука. В первом лежала сорочка, домашние туфли, каль¹ и куча спальных принадлежностей, без которых легко можно обойтись. Во втором — зеркало, лосьоны, мази, притирки, масла, ароматические воды, мастика для губ, помада для волос. Пока я неловко расшнуровывала ей рукава, непривычная к этому делу, она рассматривала своё лицо в полированном бронзовом диске, натягивая кожу пальцами. Когда я закончила, она протёрла щеки, лоб, подбородок

¹Распространённый в период раннего Средневековья домашний головной убор в виде плотно облегающей шапочки по типу чепчика. Имел узкие завязки, заканчивался под мочкой уха, не опускаясь ниже затылка.

и шею средствами из трёх склянок и, не оборачиваясь, протянула гребень.

— Расчешите меня.

Вдова Хюсман успела переодеться в подобие паруса и теперь рылась в своём бельевом ларце, ища что-то на дне.

Перебирая тяжёлые длинные пряди её светлости, я боролась с желанием вытереть руку о подол: казалось, на пальцах остался жирный золотой налёт. А ещё хотелось покончить с расчёсыванием побыстрее — процесс начал утомлять.

— Ай! Осторожнее вы! — вскрикнула леди Йоса, дёрнув головой.

— Простите, миледи.

— «Простите, ваше величество» — привыкайте называть меня так. Вы что, никогда не расчёсывали другим волосы?

— Чужим — никогда.

Людо ведь не чужой.

— У вас неделя пути на то, чтобы научиться помогать мне. — Она бросила быстрый взгляд на вдову и едва слышно прошептала: — Чтобы версия фрейлины хоть немного походила на правду.

Я подняла голову, и наши взгляды встретились в отражении. Контраст между нею и мной был разителен: леди Йоса, белокурая и голубоглазая, с нежной алебастровой кожей, точёными плечами и высокой грудью, натягивающей платье, которое прикрывало такое же совершенное и до тошноты мягкое тело, а позади я. Шершавые потрепавшиеся ладони смотрелись рядом с её тонкой белой шеей просто кощунственно, а тяжёлая масса чёрных волос придавала мне диковатый вид.

— Теперь подайте чашу, — распорядилась она, отворачиваясь.

Я забрала с жаровни миску, где подогревалось миндальное молоко с ужина, и поставила перед ней. Леди Йоса погрузила внутрь свои тонкие ухоженные пальцы — с чего им не быть ухоженными, если отмачиваются каж-

дый день в молоке! — и держала, пока оно не остыло. Потом велела:

— Теперь вы.

— Что я? — Краем глаза я заметила, как вдова сделала два быстрых глотка из оправленного в серебро каплевидного флакона.

— Опустите ваши клешни в ванночку, на них тошно смотреть. К тому же любому в королевском замке будет достаточно одного взгляда на них, чтобы разоблачить вас. — И не дожидаясь ответа, она схватила меня за руку.

Тело обдало волной гадливости, и я отшатнулась, задев чашу. Та опрокинулась, выплеснув молоко на землю.

— Да вы просто дикарка! — с досадой воскликнула Её Светлость, потирая ушибленную кисть. — Ну и оставайтесь такой, раз нравится!

Она отвернулась, а я вернула чашу на место и, ни слова не говоря, направилась к выходу.

— Куда вы?

— Пожелать брату доброй ночи.

— Передайте и от меня.

— Хорошо.

Когда Скорбный Жнец спляшет кароле¹ вокруг майского шеста.

— Вы должны отвечать: «Как скажете, Ваше Величество».

— Как скажете, Ваше Величество.

Из угла вдовы уже слышался храп, а в спёртой духоте разливался навязчивый сладковатый запах опийного мака.

4

После тесноты шатра ночной воздух показался одурающе свежим. Я дышала и не могла насытиться. Со всем рядом грохотали воды ручья, разнося эхо по ущелью.

¹Средневековый европейский танец, участники которого выстраивались в кольцо или цепочку и двигались, создавая разнообразные фигуры под аккомпанемент.

лью. Пахло влажной землёй и первыми пробивающимися сквозь почву травами.

Людо разминался спиной ко мне. Думала подкрасться к нему на цыпочках, но когда до цели оставалось всего ничего, брат скользнул в сторону и оказался позади меня, взяв шею в захват.

— Ты мертва! — объявил он и тут же фыркнул в ухо: — Топашь, как кентавр.

Я отвела его руку и повернулась.

— И пахну так же. — Я сунула ему под нос ладонь, насквозь пропахшую всеми мазями и благовониями леди Йосы.

Людо понюхал и сморщил нос.

— Пойдём к ручью — смоешь, — предложил он.

Так мы и сделали.

Пройдя мимо часового, спустились с откоса. Я поплекала на руки, а после мы немного поговорили, обсудив, что нас ждёт в замке. Вздохнув, я приникла к брату и положила голову ему на грудь.

— Не хочу возвращаться в шатёр.

К храпящей вдове и Её Светлости с блудливыми глазами и состоящим из плавных изгибов телом, каждый дюйм которого несёт следы тщательного ухода. И снам, радость от которых превращалась в горький стыд по утрам. Даже Людо не знал про них. Иногда будил меня, если бормотала, и тогда я говорила, что видела наш дом... брат понимал. Но никогда в подобные моменты не упоминала того, кто поселился в моих грёзах, как отравы на дне кубка.

Наконец мы двинулись обратно в лагерь.

— Скоро смена на часах, — сказал Людо. — Кажется, кто-то вышел из палатки.

Рыцарь действительно вышел, только не из палатки, а из кибитки кухарки. Тот самый балагур, щипавший её за ужином. Он замер, мы тоже. Рыцарь перевёл взгляд с меня на Людо и обратно и поправил штаны. А потом мы молча разошлись, словно ничего не произошло.

Когда я вернулась, леди Йоса уже спала — по крайней мере так я решила, устраиваясь на ночь, пока не услышала некоторое время спустя её недовольный голос:

— Не прекратите вертеться и вздыхать, отправитесь спать к мужчинам.

Вертеться я перестала, но ещё долго не позволяла себе заснуть. Едва чувствуя подступающую дрему, колола руку сорванной возле шатра веточкой шиповника. И всё равно заснула, мечтая ощутить тепло и безопасность. Шутки снов порой очень жестоки... я получила свою иллюзию безопасности.

...трофейная всегда была моим любимым убежищем. Не отпугивал ни специфический запах, исходящий от прибитых к стенам рогов и голов, ни жутковатый отрёпанный блеск невидящих зрачков, ни якобы поселившийся тут призрак рыцаря, насмерть затоптанного вепрем, чьи бивни теперь украшали эту комнату. Я любила прятаться здесь, когда мир был ко мне слишком жесток. А мир частенько бывал ко мне жесток, потому что я «упрямая несносная девчонка, наказание для своей матери», по словам моей собственной, и такие, «если не исправляются, рано или поздно получают по заслугам». Исправиться я не могла, и по заслугам получила рано. Смех, звон кубков и звуки виел¹ за стеной лишь усугубляли мои страдания.

От горьких дум отвлёк золотой мячик, ткнувшийся в бедро. Дремавшая на соседней шкуре Никс, престарелая левретка, приоткрыла глаз и снова закрыла. В камине с нетерпеливым треском взвились искры. Я вяло подтолкнула шарик обратно в огненный зев. Сегодня даже любимая игра не утешала. Снова задумавшись, пропустила следующий бросок, и мяч укатился к дверям. Вскочив на ноги, я хотела кинуться за ним, но обнаружила беглеца под подошвой стоящего в дверях золото-

¹Струнно-смычковые музыкальные инструменты, широко распространённые в Средневековье в VIII–XIV веках.

волосого мужчины. Гость нагнулся, поднял мячик и двинулся ко мне, перекатывая его змейкой между пальцами одной руки ловчее жонглёров, показывавших трюки за ужином.

Я, набычившись, наблюдала за ним. В зале сидел за столом для почётных гостей. Весь вечер смеялся, травил охотничьи истории и не пропустил ни единого тоста. Один раз я поймала на себе его пристальный, безо всякой улыбки, взгляд. Но уже в следующий миг его отвлек кто-то из приятелей отца.

— Почему вы сидите здесь в свой праздник, миледи? — спросил он, остановившись передо мной. — Разве вы не должны быть в саду, с Годфриком?

Праздник, как же! Я молча отвернулась и плюхнулась обратно на шкуру спиной к нему. Ужасная грубость. Именно из-за таких выходов я никогда не стану «попослушной ласковой девочкой, как кузина Хейла, отрадой для матери». Сейчас он уйдёт и расскажет всё отцу. Тот посмеётся, а когда гости разъедутся, прикажет няне наказать меня. Делает это она куда охотнее кормилицы, и рука у неё тяжелее. Но гость вдруг устроился рядом на полу и как ни в чем не бывало протянул мячик.

— Кажется, ваши? В игру примете?

Зыркнув на раскрытую ладонь, я схватила шарик, зашвырнула прямо в углы и злорадно усмехнулась ему в лицо.

— Приму, доставайте!

Вот теперь точно уйдёт. Или начнёт браниться — взрослые не могут быть долго дружелюбными с детьми. Правда, я больше не ребёнок. Так сказала кормилица, нарядная меня к тиру, и её подбородки мелко тряслись от всхлипов. И то же повторила мама, холодно и веско, когда пришла проверить её работу.

Гость не изменился в лице, только в уголках серых глаз наметились морщинки. Радужка вдруг начала стремительно выцветать, сделавшись из стальной почти белой. Он чуть повернул голову в сторону подрёмывающей Никс и, сложив губы трубочкой, издал мелодичный

посвист. Уши левретки встали торчком. Она резво поднялась, покачиваясь на тонких жилистых ногах, и потрусила к камину. Перед огненной пастью замерла. Не успела я сообразить, что произойдёт дальше, как она сделала бросок, почти невозможный для её сорокадвух лет, увернулась от просвистевшего в дюйме от уха огненного кнута и, сжав мячик зубами, отскочила обратно. Мелко перебирая лапами, подбежала к гостю, аккуратно положила добычу ему на колени и вернулась на место.

Мужчина беззаботно подкинул мяч, словно не замечая моих широко распахнутых глаз. Его собственные уже вернули прежний цвет.

— Как вы это сделали?!

— Похоже, я не слишком-то вам нравлюсь, — заметил он вместо ответа.

— Не вы! — выпалила я и прикусила язык.

Гостя это развеселило. Откинувшись слегка назад, он смерил меня взглядом и кивнул:

— Значит, Годфрик. Чем же вам не угодил мой племянник?

Перед глазами снова встало прекрасное, словно из снега вылепленное лицо матери.

— Леди Анна, — назвала она меня первым, официальным, именем, — развлеките будущего супруга. Покажите ему наш сад.

— Хотите, сходим в оранжерею?

Высокий рыжеволосый мальчишка пожал плечами, и мы двинулись по усыпанной галькой дорожке. На сегодняшний праздник не пожалели восковых свечей, и замок от подвала до сторожки караульного на крыше был залит огнями. Позади, шоркая, переваливалась кормилица. В траве стрекотали цикады, подпевавшие менестрелям, в воздухе стоял тяжёлый аромат спелых слив.

— Вам понравятся наши розы, — произнесла я, когда терраса осталась за поворотом. — Их завезли в прошлом году, и...

— Не нужно. — Голос у Годфрика был под стать лицу и всему скучающему облику — такой же бесцветный.

— Что не нужно? — не поняла я.

— Разговаривать. Просто пройдем до оранжереи и обратно.

Произошла это, он ни разу на меня не посмотрел. Пару мгновений мы шли в полном молчании, на фоне которого шум из трапезной, где праздновали наше обручение, казался особенно громким.

— Вы не хотите на мне жениться?

Ответный взгляд был полон презрения.

— Жениться на выродке? Да мне мерзко даже смотреть на тебя!

Ударила я быстрее, чем успела подумать, и получила звонкую оплеуху в ответ. Из глаз от неожиданности брызнули слёзы. Ладонь судорожно прижалась к горячей щеке.

— Бьёшь, как девка!!

Этому страшному оскорблению я научилась у Людо...

— Он не такой, каким должен быть супруг, — сдержанно ответила я гостю, прикрывая волосами до сих пор красную щеку.

— А каким должен быть супруг? — заинтересовался он.

— Сильным внутри и снаружи.

— Достойный критерий, — кивнул мужчина. — Так говорит ваша матушка? Или отец?

Он что, думает, у нас собственного мнения нет?

— Так считаем мы с братом, — обиделась я. — Он говорит, что нет ничего важнее силы, а слабые вовсе не должны появляться на свет, они не заслуживают жить. Поэтому брат так презирает Артура.

— Кто такой Артур?

Я опомнилась и промолчала. Про Артура никто не должен знать. Не дождавшись ответа, гость спокойно продолжил:

— В чем-то ваш брат прав, просто сила бывает разной. Со временем вы с Годфриком притрётесь. А ещё

у меня есть племянница чуть помладше вас. Бланка — добрая и ласковая девочка, которая нуждается в подруге.

Странно было вот так разговаривать. Странно и приятно. В замок постоянно приезжали приятели отца, особенно в последние месяцы, но они никогда не пытались со мной заговорить. Детей не принято замечать, особенно девочек. Отец и тот вспомнил о моём существовании лишь полтора года назад, после случая с няней.

Мысленно я сравнивала гостя и будущего супруга. Волосы у Годфрика тоже рыжие, но совершенно другого оттенка: почти красные и прилизанно-гладкие, разделённые на пробор, а не золотистые и вьющиеся. Да и вид какой-то болезненный, словно вся сила ушла в рост. Он действительно высок, но плечи уже, чем у Людо, хотя брат на год младше него. Сидящий же рядом человек был воплощением крепости, от него исходила спокойная уверенность.

— Мы никогда не притрёмся, — угрюмо изрекла я. — В нём нет и уже не будет стержня.

— Погодите судить. Годфрику всего одиннадцать. Через три года, когда состоится ваша свадьба, он подрастёт и возмужает.

— А ещё он назвал меня чернявой уродиной!
Вообще-то он много чего успел наговорить...

Гость перестал усмехаться:

— Вот это он зря. Просто пока не понимает, как ему повезло.

Я уставилась на него и нерешительно переспросила:

— Повезло?

Мужчина кивнул:

— Вы уже сейчас красивее большинства знакомых мне леди, а через несколько лет затмите и остальных.

Красивая? Я? Мне такого ещё никто не говорил, даже кормилица, а уж она-то любит меня больше всех после Людо. Может, насмехается? Но выражение серых глаз было абсолютно невозмутимым.

Я помолчала, обдумывая его слова и ощущая, как кончики ушей начинают гореть, а внутри всё трепещет от непонятного, но упоительного чувства. Стало стыдно за то, как вела себя с ним вначале. От следующей мысли я покраснела ещё сильнее и покосилась на гостя из-под ресниц. Жаль, что такой старый. Наверное, ему столько же, сколько маме, а ей осенью исполнится двадцать шесть. Других недостатков обнаружено не было, даже короткая борода его не портила. Казалось, подбородок и скулы припорошены золотом. И я решилась:

— Вы ведь желаете союза с нашей семьёй?

— Верно, — прищурился он и скрестил руки на груди.

— И для этого нужен брак?

Дождавшись подтверждения, я выпалила, боясь растерять храбрость:

— Тогда, может, на мне женитесь вы?

Сперва он удивился, а потом пристально посмотрел, явно всерьёз взвешивая предложение, и наконец сокрушённо покачал головой.

— Рад бы, но это невозможно, миледи.

— У вас уже есть супруга? — расстроилась я. — Или не хотите ждать ещё три года? Я постараюсь вырасти поскорее и буду хорошей женой, клянусь!

Он вздохнул, поглаживая браслет из заплетённой в косичку лески, и потерянно развёл руками — сразу видно, искренне сожалеет.

— Вы уже обручены с моим племянником.

— Но если я ему не нужна? — Я все ещё не теряла надежды его уговорить.

— Он скоро изменит мнение, ручаюсь, — сверкнул глазами гость.

5

Дорога была утомительна и монотонна. У меня часто болели глаза от чтения при тряске, а духота и запахи преюющих под платьями тел сводили с ума. Чувствуя

себя разбитой, я пользовалась любой возможностью на привалах, чтобы пройтись. Вдова почти всё время спала или дремала. Флакон, поначалу вынимаемый лишь ближе к ночи, перешёл в разряд лекарства от всего: зубной боли, ломоты в пояснице, нервов, расстройства желудка, меранхолии¹ и шуток Камдена — того самого рыцаря, навещавшего кухарку по ночам. Нрав леди Йосы совсем испортился от вынужденной бездеятельности. Я-то привыкла терпеть и выжидать, а она изнывала и цеплялась к нам по любому поводу.

— Сколько раз говорить, чтоб не пили эту гадость в повозке, вдова Хюсман! Дышать нечем! А вы, — напускалась она на меня, — почему бубните пылкое признание, как надгробную речь? В вас что, нет ни грамма чувства? Вы никого не любили?

— Разумеется, любила и люблю — своего брата.

— Я не о том, — отмахнулась она. — Вы ни к кому не испытывали страсти?

Её романы казались мне насквозь фальшивыми, а речи влюблённых донельзя напыщенными и искусственными. Прискакать под окно возлюбленной и донимать её сравнениями губ с кораллами, а зубов с жемчугом. И в чём тут любовь?

К самой леди Йосе я испытывала презрение, к которому из-за придирок теперь примешивалось глухое раздражение. Она не выполнила долг перед семьёй, предписывавший хранить себя до свадьбы, и ничуть не смущалась своего проступка, если его так можно назвать. Я свой долг выполню. Презирала я её не за потерю целомудрия, а за пренебрежение обязательствами перед родом.

День на четвёртый, устав разглядывать проносящиеся за окном поля, она остановила взор на скакавшем рядом

¹Так произносилось слово «меланхолия» во французском языке в Средневековье. Это объясняется забытой смысловой связью с древнегреческой «чёрной жёлчью» и особенностями артикуляции.

рыцаре, какое-то время рассматривала его и с шумным вздохом откинулась на подушки.

— Что вы знаете о близости между мужчиной и женщиной, леди Лорелея? — вызывающе спросила она, прервав моё чтение на полуслове.

Вдова, как обычно, похрапывала и причмокивала во сне. Тальк осыпался с груди, припорошив чёрный бархат белёсой пылью. Запнувшись, я подняла глаза от страницы и встретилась с насмешливым взглядом. По лицу леди Йосы гуляла полуулыбка, рука поигрывала талисманом.

Поскольку я молчала, она продолжила, правда, на этот раз соизволила-таки понизить голос, покосившись на вдову:

— Вам предстоит первая ночь, неужели вы о ней не задумывались?

Я наконец отомкнула губы и бесцветно произнесла:

— Должна идти кровь.

Она приподняла брови.

— Откуда вы знаете?

Тот же вопрос я задала Людо. Мы ведь тщательно обговаривали план и обсуждали детали.

«Откуда знаешь про кровь, если никогда не женился?»

«Не твоё дело».

Я закусила губу. Ненавижу, когда брат так говорит, и он это прекрасно знает. У меня же от него нет секретов... ну, почти нет.

«И много должно вылиться?» — холодно спросила я.

«Не так, чтобы слишком».

«И как это понять? Две капли? стакан? Как при регулах?»

«Как из ранки на пальце! И прекрати меня донимать!» — разозлился он, странно посмотрел, встал и ушёл. Вернулся, только успокоившись. В итоге мои знания о первой ночи ограничились спальней и кровью. Остальное, сказал Людо, мне не понадобится, я ведь в действительности не собираюсь исполнять супружеский долг леди Йосы. Ну, ещё нужно знать про традиционный кубок с вином, который молодая жена преподносит мужу.

— Так откуда? От матери? — настаивала леди Йоса. — Моя скорее б лопнула, чем сказала!

— А вы? От помощника грума? — дерзко спросила я.

Она удивлённо поморгала, а потом вдруг прыснула, прижав ладонь ко рту.

— Нет, не от него.

— То есть леди Катарина ошиблась, и вы не...

— На пару лет раньше, — пояснила она. — У моей матери был духовник. Она думала, он её любит. Настолько, что когда мне было двенадцать, отец вдруг скоропостижно скончался. Знаете, он был неплохим человеком. Как-то раз я осталась после мессы, и...

Интересно, была бы она столь откровенна, если б уже не сажала меня мысленно в дроги Жнеца?

— Да и я вовсе не о крови, — она лениво скинула туфлю и, оперев пятку в колено, принялась нарочито медленно растирать стопу. — А о том, как доставить и получить удовольствие. Вы что, совсем ничего об этом не знаете? Не слышали перешёптывания служанок по углам? И картинки не видели? Ну, уж случку собак-то заставляли?

Рука зачесалась вlepить ей пощёчину за снисходительность тона. Теперь она смотрела чуть свысока, словно презирая меня за незнание.

К снисходительному тону прибавилась ещё и снисходительная улыбка, доведя меня до белого каления. Леди Йоса в последний раз с непристойной неторопливостью провела рукой по стопе, вернула ногу на пол и расправила подол:

— Ну, так слушайте. — Проворно привстав со своего места, она уселась рядом. Вдова осталась в одиночестве, похрапывая в углу. Набрякший подбородок клонился к груди, чепец накренился. На ухабах она вскидывала голову и сонно ворчала, не открывая глаз.

— Сперва он, скорее всего, велит вам раздеться и лечь, — зашептала леди Йоса под цокот копыт снаружи и скрип повозки. Она сидела так близко, что я ощущала тёплое дыхание на лице. — Лучше сделайте это сами, пока будете ждать в опочивальне. Потом Его Величество мо-

жет дотронуться здесь, — она коснулась моей груди, или тут, — провела костяшками по шее.

— Рукой? — спросила я странно хриплым голосом.

— А это уж как захочет, — рассмеялась она. — Мне продолжать, или мои речи скучны и ничего нового не сообщают?

Я промолчала, и она, лукаво улыбнувшись, снова заговорила. Много из того, о чём она поведала, оказалось неожиданно знакомо. Просто раньше я не подозревала, что под «потерей целомудрия» и «исполнением супружеского долга» разумеют именно это. В народе-то проще называют...

Останься я дома, получи воспитание настоящей леди, вероятно, пребывала бы в неведении и по сей день. Но в дороге взрослеют быстро. А в моей жизни было слишком много дорог...

Впервые с вопросом я столкнулась год на третий наших с Людо скитаний. Наверняка случалось что-то и раньше, но мне не запомнилось. В тот день мы заночевали в храме. Их двери открывались для всех без разбора, лавки на ночь сдвигали к стенам, и люди укладывались на пол вповалку.

Проснулась я среди ночи от возни по соседству. Какой-то крестьянин вскарабкался на женицину и двигался на ней взад-вперёд. Он кряхтел, она постанывала.

Я растолкала Людо.

— Гляди, смешные...

Но брат почему-то не смеялся.

— Эй, вы там, уймитесь! А ты, Лора, заткни уши и отвернись.

— Зачем это?

— Делай, как сказал! — рявкнул он.

Я обиженно накрыла уши ладонями, но так, чтобы всё слышать. Отвернулась по тому же принципу. Парочка не обратила на окрик никакого внимания. Слово за слово, тумак за тумак. Вокруг начали просыпаться,

заворчали, заругались, прибежал всполошённый клирик... в общем, из храма пришлось уйти.

— Людо, а что они делали?

— Отстань, Лора. И вообще забудь, что видела.

Но случай, как нарочно, не выходил из головы. В последующие месяцы я ещё не раз видела подобные сцены, не только в храмах, но и на постоялых дворах, где на одну кровать укладывались до дюжины человек, однако уже не будила брата. Действо было не слишком похоже на то, что описывала леди Йоса. Скорее уж и впрямь напоминало случку собак. Много сопенья, много возни, и вообще выглядит... так себе. Но участникам явно нравилось.

Примерно тогда же Людо начал пропадать по ночам, и не только по ночам. Отлучался ненадолго и оставив под присмотром какой-нибудь матроны, но я всё равно чувствовала себя брошенной и несчастной, а дознаться о причине уходов не получалось: стоило спросить или попытаться последовать за ним, сразу злился. Как-то поздним вечером я лежала на постоялом дворе и, глотая слёзы, слушала, как трактирщик зовёт свою дочь с крыльца. Я-то видела, что они с Людо спрятались в сарае... Вернувшись, брат по обыкновению улёгся сзади, подгрёб меня и, уткнувшись носом в макушку, собрался спать.

Я выставила локоть:

— Уйди.

— С чего это?

— Просто уйди, и всё.

— Куда мне идти? Ночь на дворе!

— Иди обратно... к той.

— К кому? — нахмурился он, приподнявшись на локте.

— Откуда я знаю её имя! — огрызнулась я, хотя, конечно, уже знала. Ещё бы: её папаша битый час его орал!

— Лучшие не выводи меня, Лора. Разве я не предупредила, чтоб не спрашивала?

— А я и не спрашиваю. Больно надо!

Хотя очень хочется понять, чего она такого знает или умеет, что меня ему недостаточно.

Я отодвинулась на край матраса и ровно задышала, делая вид, что сплю, а сама не сомкнула глаз до утра. Даже пошмыгала, мучительно переживая происходящую перемену: в жизни Людо появилось нечто, куда мне путь заказан и о чём он не рассказывает. Я чувствовала разверзающуюся между нами пропасть и не знала, как всё исправить. Отчаянно хотела, чтобы было, как раньше, но, как раньше, не получалось. Я смутно догадывалась, что всё это неким образом связано с давней сценой в храме и тем, что происходит между мужчинами и женщинами, но гнала от себя гадкие мысли. Людо не такой! Мы же лорды, а не какие-нибудь вилланы, эта возня для них. Благородные уж точно ничем подобным не занимаются... Должна быть другая причина, и, может, если я её доищу, то пропасть удастся преодолеть?

Я ненавидела каждую, с кем он уходил.

Но других версий не находилось. Несколько недель спустя я спросила у Людо, зачем мужчины ложатся на женщин. Тогда брат впервые меня ударил... Решил, что не просто так интересуюсь.

— Если хоть раз, слышишь, хоть с кем-то из них тебя застану... на меня смотри, говорю! — И я, втянув голову в плечи, смотрела в подёрнутые пеленой глаза, пока он, держа за ворот, отвешивал пощёчины.

Людо-то через час остыл, а вот я целый месяц с ним не разговаривала и игнорировала лишние куски хлеба, равно как горсти свежих ягод в подале и даже новый гребень. Но в глубине души чувствовала, что он был прав. Мне не следовало спрашивать. Зато весь месяц Людо был только мой, ни разу не отлучился. Ради этого стоило спросить...

Позже я, конечно, узнала, что так простонародье развлекается и заводит детей. И что надо соблюдать осторожность, чтобы не приняли за одну из них...

Рассказ леди Йосы не только восполнил имеющиеся пробелы, но и ошеломил: неужели всё? Я не могла приписать такое поведение к родителям, например, или их высокородным приятелям. Вспомнив отлучки Людо, помрачнела: подтвердилось то, о чём я и так в общем-то давно догадалась. Но как от этого можно получать удовольствие? И что значит «я сама захочу»? А дети точно по-другому не могут появиться, например от большого желания или горячей молитвы? Нет, смеялась леди Йоса, только так. Поэтому нужно пользоваться специальным травами, если не хочешь понести. Я всё равно до конца ей не поверила. Наверняка есть другой способ, и она специально поддразнивает, либо просто не знает о нём. Я хотела спросить ещё о чём-то, но тут её настроение резко переменялось. Она словно бы впервые заметила, как близко мы сидим, и отодвинулась, а потом и вовсе пересела обратно к вдове. Веселья как не бывало.

— А вообще забудьте все, что я сейчас рассказала, — резко бросила она. — Не приведи Праматерь, Его Величеству понравится — ещё станет докучать мне потом каждую ночь. Так что просто лежите и, сцепив зубы, терпите. Покорность, а вовсе не невинность — главная добродетель женщины, если верить моей матери. Невинность — всего лишь товар.

Она отвернулась к окну и подарила мне целый час тишины.

* * *

На стоянке Йоса поручила перекидышу зашить платье, которое сама же тайком и порвала. Наряд потом придётся выбросить: шьёт девушка будто двумя левыми ногами. Вдова тем временем кряхтела, втирая целебное снадобье в распухшие суставы.

— Пожалуй, пройдусь немного перед сном, — беззаботно обронила Йоса, откидывая полог шатра. — Нынче дивная ночь.

Девушка подняла голову от шитья, провожая её тёмным взглядом, но промолчала. Никогда не поймёшь, о чём думает. Выполняет все поручения, но иногда кажется, что вместо «слушаюсь, Ваше Величество» сожмёт пальцы на горле. Есть в ней что-то дикое и неуправляемое. В них обоих это есть... Но то, что отталкивает в женщинах, нередко привлекает в мужчинах.

Кухарка скоблила песком днище котла. Йоса велела ей отвлечься и собрать, что нужно. Та бросилась выполнять. Забрав готовый свёрток, Йоса обогнула крайнюю палатку и очутилась на небольшом участке между лагерьем и лесом.

Юноша был там. Смазывал коню натёртые подпругой бока. Животное ему нравилось, Йоса это ясно видела.

— Можете оставить коня себе.

Он полуобернул голову, неопределённо повёл плечом и снова отвернулся.

— Он ведь вам нравится?

Ещё одно неопределённое пожатие.

— Как его назвали?

— Торф.

— А вас мне как называть? Людовик?

— Людо.

— Это полное имя?

— Да.

Рука скользила по шкуре, оставляя жирные дорожки мази.

Йосу начал раздражать этот разговор. Не так она себе его представляла. На неё обычно глазели, а не отворачивались, тем более, когда она давала себе труд так тщательно готовиться к встрече.

— За ужином вы не притронулись к окороку, — сказала она резче, чем собиралась. — Эдак кухарка обидится, решив, что вы брезгуете. Вот, я принесла, попробуйте. — Она протянула свёрток из промасленного пергамента.

— Положите туда. — Он кивнул на плоский камень под дубом, на нижней ветке которого висела седельная сумка.

Йоса едва удержалась, чтобы не швырнуть окорок ему в спину. Вместо этого топнула ногой и сказала высоким звенящим от гнева голосом:

— Смотрите на меня, когда я с вами разговариваю!

Рука на боку коня замерла. Юноша неторопливо отставил мазь, так же спокойно вытер пальцы, повернулся и, ни слова не говоря, двинулся на неё.

Йоса думала, он остановится через пару шагов и, когда этого не произошло, попятилась, невольно покосившись на лагерь. Часовые совсем близко... стоит крикнуть, и кто-нибудь обязательно прибежит. Ей ничего не грозит! О том, что можно попросту не успеть крикнуть, она в тот момент не подумала.

Отступала, пока не уткнулась спиной в дерево. Юноша упёр ладони в ствол по обе стороны от её лица и наклонился непозволительно близко:

— Так смотреть?

Дыхание щекотнуло щеку. Йоса ничего не ответила. Сердце колотилось где-то в горле, грудь часто вздымалась. К страху примешивались любопытство и возбуждение.

Он протянул руку, заставив её ещё сильнее вжаться в кору, хмыкнул, заметив, как она дёрнулась, пошарил в висевшей на суку сумке и извлёк блеснувший лезвием нож. Вот теперь самое время было кричать, но язык присох к нёбу. Прежде чем Йоса успела издать хоть звук, он забрал окорок, который она всё это время, забывшись, прижимала к груди, отрезал ломтик, наколол ножом и с лязгом снял зубами.

Прожевав, отрезал и насадил на острие второй и протянул ей:

— Вы ведь тоже хотите попробовать?

Поколебавшись, Йоса потянулась к мясу, но в последний момент убрала руку и, кинув на него вызывающий взгляд, тоже сняла зубами, медленно, не отводя глаз.

Он ухмыльнулся и провёл пальцем по её нижней губе, надавливая так, что рот произвольно приоткрылся.

В этот момент кто-то из рыцарей окликнул товарища, и Йоса вздрогнула.

— Мне пора, — выпалила она, отталкивая руку и, поскольку юноша не шелохнулся, добавила: — Пропустите.

Он, наконец, сделал шаг назад. Подобрал подол, Йоса протиснулась мимо него и поспешила к лагерю. Заворачивая за палатку, обернулась, но юноша уже снова отошёл к коню и стоял спиной к ней. Это было даже досаднее, чем оставшиеся на платье жирные пятна.

6

На исходе шестых суток стало ясно, что наш кортеж у цели. Вокруг раскинулись пашни, на смену бедным почвам пришёл жирный чернозём, на котором плодоносит даже воткнутая в землю палка. К голосам знакомых птиц прибавилось множество незнакомых, в пролесках стали чаще мелькать звери. Они провожали наш караван любопытными взглядами и безбоязненно выбегали на дорогу, из-за чего пришлось несколько раз останавливаться и прогонять их камнями.

Утром восьмого дня мы миновали первые аванпосты на границе владений королевского дома, а уже к вечеру наше путешествие закончилось перед длинным светлым строением. Над входом висел сдвоенный брачный герб: три червлёных¹ волчьих гончих Скальгердов на золотом поле слева соседствовали с лаской Венцелей на лазурном справа. Согласно древнему обычаю, леди Йоса должна была войти туда наследницей своего рода, скинуть одежды, облачиться в наряд, заготовленный для неё семьёй будущего супруга, и выйти с другого конца уже невестой короля. Так она символически оставляла прежнюю жизнь позади, чтобы вступить в новый дом.

¹Красных.

Она могла взять с собой в сопровождающие одну женщину или девушку по выбору. Ещё одна, со стороны жениха, уже дожидалась внутри.

— Леди Лорелея, вы пойдёте со мной.

— Да, Ваше Величество.

В памяти осталось, как хрустели стебли лилий под нашими ногами, в воздухе кружили снежинки пыли, и как прерывисто дышала леди Йоса. Второй помощницей оказалась русоволосая женщина по имени Мод. Она ловко расшнуровала рукава и стянула с леди Йосы платье, а следом и камизу, оставив её обнажённой и дрожащей. Я помогла нарядить её в алое платье-робу с широкими посечёнными рукавами, отделанными фестонами¹ листообразной формы, и золотое сюрко² с широкими проймами. Пока я застёгивала тяжёлый от драгоценных камней пояс с кошелем-эскарселем и свисающими до земли кисточками, Мод надела на неё покров и филлет³ замужней дамы.

Потом мы снова шли по длинному коридору, к другому выходу. Он вывел нас на берег озера Хидрос, где уже дожидались остальные, включая Людо, и белая ладья с гребцами, похожая на одного из лебедей, грациозно скользящих по чёрной глади озера. Неподалёку покачивались две галеры, патрулировавшие берег.

Леди Йоса на миг замерла, прижав руку к груди, и я вместе с ней. Представшее глазам зрелище потрясло и подавляло. С южного берега, где мы стояли, королевский замок был виден, как на ладони. Его бастионы раскинулись на вдающемся в озеро полуострове, но отсюда казалось, что древние, как глыбы мира, крепостные стены

¹Декоративный элемент, орнаментальная полоса с обращённым вниз узором в форме листьев, цветов, ступенчатых зубцов и т.д.

²Вид короткой средневековой верхней одежды без рукавов либо с короткими и широкими рукавами.

³Тонкий ободок.

вырастают прямо из воды, и замок парит над нею, надвигается на нас несокрушимой мощью своих глухих непреступных стен. В нём не было ни капли изящества — только надёжная крепость.

Удачное расположение — важная, но далеко не единственная причина, по которой родовое гнездо Скальгердов ещё никому не удавалось взять за всю историю. Другим отпугивающим мотивом служил могущественный Покровитель, один из древнейших. Всё, что мы видели, проезжая через их владения — плодородные поля, изобилие редких птиц и зверей, полноводные реки, — подпитывается от его силы. Я почти слышала гул земли под ногами и чувствовала пронизывающую это место энергию, потоки которой опутывали незримой сетью берега, пролегали глубоко под замком, поддерживали жизнь на многие мили вокруг.

Самые могущественные Покровители обретаются на пересечении лей-линий¹, послабее — вблизи. Род со слабым Покровителем — всё равно что не воронёный доспех: рано или поздно заржавеет.

Только члены семьи знают, как призвать своего замкового духа, и это, конечно, держится в большой тайне. Когда-нибудь это знание перешло бы по наследству от отца к Людо, но теперь этого уже не произойдёт.

Многие изображают своего Покровителя на гербе, но действительно ли он выглядит именно так, проверить, по понятным причинам, невозможно.

Скальгерды потому и правят испокон веков, что на их стороне слишком многое: один из древнейших Покровителей, природные и рукотворные укрепления, легенда о водяном чудовище, которое спит на дне озера Хидрос, зарывшись в ил, но пробудится в случае опасности, и мощный дар. Лес вблизи замка не случаен. Каждый из обитающих в нём зверей — дополнительное звено в цепи их власти. Если нас, Морхольтов, в народе называют «перекидышами» или «хамелеонами», то Скальгерды извест-

¹Аналог энергетических линий.

ны как «звероусты»: их дар в умении общаться с животными, управлять ими. Говорят, много веков назад кому-то все же взбрело в голову напасть на замок. Часть армии двинулась с севера, через лес. Из более чем пятисот воинов, вошедших в него, не вышел ни один. Те, кого послали следом, не смогли разглядеть траву под ковром из чисто обглоданных костей своих товарищей.

Поэтому надо быть непроходимым тупицей, чтобы атаковать в открытую.

Мы погрузились в ладью и отчалили от берега. Люди короля были все, как один, одеты в цвета рода — красный с золотом. Мы с Людо, единственные темноволосые на судне, выделялись, как вороны среди аистов. Даже леди Йоса, с её белокурыми локонами и в здешнем платье, уже казалась одной из них. На неё, как всегда, глазели. В открытую не осмеливались, но по лицам воинов ясно читалось, что красота будущей королевы им по вкусу. Красота вообще везде в почёте. Это уродам приходится нести ответ за свои изъяны.

Её Светлость больно стиснула мою руку, не отрывая напряжённого взгляда от замка. Утки и лебеди скользили с нами наперегонки, а в чёрной воде отражались лохматые низко плывущие облака, подсвеченные закатными лучами. Казалось, герб Скальгердов отпечатался даже на небе: солнце затопило его кипящим золотом до самого горизонта, оставив на границе стихий три багровые полосы, дрожащие в воде дорожками пролитой киновари¹.

Меня охватила дрожь, в висках застучало, а во рту появился противный кисло-металлический привкус. Гребцы завели ритмичную песню, отдававшуюся в ушах буханьем набата. Я больше не различала лиц, мрачных красот этого места и пылающих на небе красок, а вместо длинношеих лебедей видела плывущих по рекам покойников, сделавших воду непригодной для питья. Ещё видела наши фамильные поля, сожжённые, кормилицу, как-то по-глупому

¹Ярко-красная краска.

завалившуюся набок, со стеклянными глазами и обиженно оттопыренной губой — конечно, она обижена, ведь за всю жизнь и мухи не обидела и не заслужила быть зарубленной на пороге моей спальни... видела отцовские пальцы с вздувшимися костяшками, судорожно комкающие простыни, и кровавую жижу, с бульканьем стекающую из почерневшего рта, мать, загораживающую его постель с мечом в руках. Она успела ранить двоих... Я снова слышала гул огненной стихии, треск проваливающейся крыши, скрежет гранёных когтей по стене трофейной и вой, с которым огромная туша срывается вниз, проламывая плиты, извивается, раздирает шпалеры в борьбе за свою и наши жизни. А следом — внезапная оглушающая выворачивающая внутренности тишина...

Малиновый воздух дрожит и рассыпается искрами, свинцовые наличники текут от жара, Артур катается по полу, прижимая ладони к лицу и рыдая от боли, а языки пламени сжирают мой прежний мир...

— Праматерь Покровителей! Вы хотите мне пальцы сломать?! — Этот раздражённый возглас возвращает меня обратно на ладью. Ещё какое-то время я тупо смотрю на леди Йосу, недовольно потирающую руку. — Вам-то что волноваться, — шёпотом бросает она, — не вы обречены чахнуть в этой тюрьме. Разок раздвинете ноги, и станете потом свободны и богаты, будь вы прокляты за это!

Я, тяжело дыша, оглядываюсь вокруг, удивлённая, что озеро всё ещё на месте: не вскипело и не испарилось от огненного ада моих воспоминаний. Провожу слабой рукой по лбу, платье противно липнет к спине.

В этот момент массивная решётка надвратной башни со скрипом поднимается над головой, роняя на разгорячённое лицо холодные капли, и мы проезжаем под «смоляными носами» и бойницами. Короткий тёмный тоннель выводит в передний двор к доку и выстроившейся вдоль канала толпе. Люди приветственно кричат, раскручивают трещотки, машут зажжёнными лучинами, напирают друг на друга, пытаясь разглядеть будущую королеву и прибывших с ней гостей. Всё это видится мне слов-

но бы в тумане, картинка расплывается по краям, а звуки приглушены. Всюду мельтешение, в небо срываются нестройной стаей оранжевые фонарики, в нас летят ленты и венки из барвинка¹. Потом ещё одна надвратная решётка, и канал сворачивает к трёхэтажному паласу, за которым высится донжон.

Здесь людей уже на порядок меньше, и ведут они себя более сдержанно.

Это канал для почётных гостей, оканчивающийся возле центрального жилища. Ступени спускаются до самой воды, где лестницу стерегут два мраморных грифона.

На верхней площадке у входа в палас застыли четыре фигуры в богатых одеждах: король, смазливая девушка лет четырнадцати, наверное, его сестра Бланка, юноша с каштановыми кудрями и серьёзным лицом с правильными мягкими чертами... Мой взгляд остановился на четвёртом, облачённом в тёмно-изумрудный упелянд² до земли, отороченный соболиным мехом, и сердце исступлённо забилося. Я-то думала, что едва его узнаю. Что годы согнули его, иссушили, убелили сединами и превратили в дряхлого старика, ведь с нашей последней встречи для меня прошла целая жизнь. Но он совершенно не изменился: те же золотистые без единой серебряной нити волосы, короткая борода, скорее даже щетина, высокая широкоплечая фигура, проникнутая небрежным спокойствием, и внимательные серые глаза. Когда они скользнули по мне, я забыла дышать. Узнает ли он девочку, некогда отчаянно молившую взять её в жены?

Но взор регента быстро перебежал на будущую королеву и сосредоточился на ней. Почувствовав руку, я обернулась. Людо. Он успокаивающе сжал моё плечо, и в ли-

¹Венки с нежными цветами небесно-голубого или розоватого оттенка.

²Длинная мужская верхняя одежда знатных мужчин. Мог застёгиваться сверху и до талии. Их шили из парчи, бархата и других плотных тканей.

хорадочном блеске глаз брата я увидела отражение разрывавшего меня чувства.

Взгляд снова притянуло к стоящему на крыльце человеку — все прочие перестали существовать. Казалось, я сейчас упаду или закричу, или ладья перевернётся от сотрясающей меня дрожи. Слава Праматери, он дожил до этого дня, не преставился от какой-нибудь глупой болезни или несчастного случая!

Ведь целых семь лет каждую ночь я видела его во снах и, просыпаясь, разбитая, опустошённая, грезила о встрече. Мечтала о том мгновении, когда всажу кинжал в его чёрное сердце по самую рукоять и скажу:

«Ты пришёл в наш дом, как гость, и подло ударил в спину. Ты убил всё, что было мне дорого, лишил будущего, семьи и веры — и за это умрёшь».

Людо, когда я с ним поделилась, сказал, что речь слишком длинная, а клинок может соскользнуть с рёбер, поэтому лучше молча ударить в печень, как он меня учил, и проверить. Для него важен сам факт, но только не для меня, мне этого мало.

В моём воображении из развёрстой раны текла тёмная и густая, как смола, кровь. Руки шарили по груди, тщась выдернуть кинжал, а в глазах метались ужас и стыд. О, Бодуэн Скальгерд непременно умрёт, но сперва увидит свой дом в руинах, королевский род угасшим, а всех, кого любит, отбывшими в Скорбные Чертоги. Если такие, как он, вообще способны любить.

Ещё в моих мечтах у него был сын, гордость и надежда отца: красивый золотоволосый сероглазый мальчишка, которому я перережу глотку у него на глазах, потому что нет ничего больнее, чем терять тех, в ком течёт твоя кровь. А регент должен страдать стократ сильнее, чем страдала я. Из-за него прежняя Лора умерла семь лет назад, сошла с ума от горя, и вместо неё на свет появилась новая, та, в чьих жилах — ненависть, а в душе вечная ночь. С того дня прежний мир раскололся на два: первый тесен, в нём

есть место только для меня и Людо, а второй населён всеми остальными людьми, считающими нас с братом проклятыми вырожденками. А когда люди во что-то верят, их нельзя разочаровывать.

Как во сне, мои ноги поднимаются по ступеням, руки машинально придерживают подол, то и дело выскальзывающийся из потных пальцев. Кажется, я кому-то что-то отвечаю, возвращаю приветствия, и мой голос звучит на удивление спокойно.

— Не пялься на него так, — шипит Людо, и я с трудом перевожу взгляд на короля.

Годфрик, как и обещал его дядя, вырос, ещё сильнее вытянулся, но отнюдь не возмужал. В нём по-прежнему не чувствуется силы. Лицо такое же равнодушное и безжизненное, и красота невесты не возбуждает огня в глазах. Гладкие красные волосы разделены на пробор и висят сосульками ниже плеч. Золотой обруч короны смотрится на них тусклой железкой. Есть злая ирония в том, что я куплена на ложе человека, некогда притворившегося моим женихом...

Её Высочество леди Бланка, как я уже сказала, смазлива. Волосы мягко-рыжего оттенка обрамляют нежными локонами лоб и виски и спускаются до талии, кожа припорошена золотистыми веснушками. Не похожа ни на дядю, ни на брата. Гордо вздёргивает подбородок, но в карих глазах — затаённая робость, и пальцы нервно комкают подол. Когда Людо подходит ближе, смотрит на него, приоткрыв рот...

Тут я вспомнила о юноше, стоявшем чуть позади Бодуэна, и впила в него оценивающим взглядом. Сын? Нет... слишком взрослый для сына, лет двадцати. На брата, племянника и вообще родственника не похож, черты совсем другие, да и волосы не рыжие... Кем же он им приходится, раз встречает высоких гостей вместе с королевской семьёй? Добротный, но без богатой отделки костюм и манера держаться чуть позади Бодуэна указывают на нечто вроде личного секретаря или помощника, и мой интерес к нему угасает.

Ступени заканчиваются, и над головой проплывает тимпан¹, украшенный вложенными друг в друга арками, создающими иллюзию нескончаемости. По бокам от входа установлены колонны, из которых лезут волчьи гончии. Пасти оскалены, мускулы напряжены, тела готовятся к прыжку. Кажется, ещё немного, и мрамор лопнет, рассыплется в прах под напором их неукротимой ярости, выпуская псов на волю.

На пороге мы останавливаемся, чтобы пропустить сперва леди Йосу, идущую рука об руку с Годфриком, и остальных членов королевской семьи. Давешний юноша оказывается рядом, предлагая сопровождение. Голос такой же располагающий, как внешность, но без железных ноток, отличающих сильных духом людей.

Помощь? Да, благодарю. И мне приятно знакомство...

Я забываю его имя, едва оно произнесено. Он что-то говорит... достаточно просто кивать в ответ. Мой взгляд непроизвольно возвращается к рослой фигуре в упелянде. Если протяну руку, смогу коснуться его... Мне этого нестерпимо хочется — просто чтобы убедиться, что он не очередной сон, коих посетило меня за последние годы тысячи. Но я одёргиваю себя в последний момент. Осталось совсем чуть-чуть, надо набраться терпения. А ближе к развязке оно, как назло, всегда истощается.

Я оглядываюсь на Людо, и в его лице такое же нетерпение, но и предостережение: торопиться нельзя, только не в этом деле...

Мной владеет чувство сродни тому, какое испытываешь, отпуская на волю бабочку или устанавливая последний элемент на вершину карточного домика: одно неловкое движение, и вся конструкция рассыплется.

Я поворачиваюсь к своему спутнику и, не в силах сдержать возбуждённой радости, улыбаюсь. Наверное, он

¹Пространство над дверями, имеющее полукруглую или стрельчатую форму и в большинстве случаев украшенное скульптурным, живописным или мозаичным изображением.

принимает это на счёт своих слов, потому что улыбается в ответ и что-то поясняет.

На миг прикрыв глаза, я представляю на месте неприступного замка изъеденный плесенью остов, постепенно затягиваемый болотом, в которое превратилось озеро; заброшенный док с гниющими галерами, чахнувший высохший лес и легендарное чудище, выползшее из глубин и издыхающее на берегу белым червём. А среди обломков плавают, раскинув руки и незряче уставившись в небо, три рыжеволосые фигуры, одна ещё и с кинжалом в груди. Их пряди, расправившись неводом, мешаются и запутываются в водорослях.

И когда это случится, когда все до единого Скальгерды сойдут в чертоги Скорбного Жнеца, а наследие их окажется предано забвению, я буду знать, что отец смотрит на нас с Людо с небес и улыбается.

7

Согласно плану, я не пошла на следующий день в часовню на брачный обряд. В пути мы с леди Йосой условились, как всё лучше устроить, и я действовала строго по намеченному. Утром пришла в её покои и застала там с дюжину фрейлин — все девушки благородных кровей. Ещё примерно столько же пришло в следующие четверть часа, пока Её Светлость принимала ванну с ароматическими травами и маслами за ширмой, куда имели доступ только две служанки. Едва она вышла, распаренная и благоухающая, как оказалась в плотном кольце фрейлин. Каждая тянула на себя, желая выслужиться: сразу две взялись расчёсывать мокрые волосы, три бросились к лежащей на кровати камизе, едва не порвав её, ещё три боролись за право втереть в тело госпожи смягчающую мазь.

— Леди Лорелея, что с вами?

Даже я решила бы, что беспокойство в её голосе неподдельное.

— Женские недомогания, Ваше Величество, — ответила я заученную реплику и потупила взор.

— Вы вся зелёная, ступайте к себе.

Я вскинула глаза в деланом испуге, чувствуя, что актрёрка из меня никудышная. Хорошо хоть бледность, как и румянец, умею напускать на себя мастерски.

— Нет, прошу! Я должна быть сейчас с вами... Не тратьте на меня мысли в этот час.

Язык еле ворочался, выталкивая чуждые моему характеру и чувствам слова, хотя я несколько раз повторила их вслух, прежде чем выйти из своей комнаты.

— У меня хватает помощниц, — она обвела рукой ораву высокородных прислужниц, — справятся и без вас. Не хватало ещё, чтобы вы грохнулись во время речи священнослужителя и всё испортили.

Послышалось сдавленное хихиканье.

— Простите, Ваше Величество.

Я отступила, не поворачиваясь спиной, и она сделала нетерпеливый жест.

— Всё, идите. А вы, леди Жанна, — повернулась она к розовощёкой шатенке с жемчужной ниткой в волосах — надо же, уже различает фрейлин по именам, — проследите, чтобы леди Лорелее принесли тёртых отростков горлеца.

— Слушаюсь, Ваше Величество.

Исполненный смирения и достоинства поклон предначался леди Йосе, а раздражённо поджатые губы — мне. Леди Жанна неохотно отдала отвоёванный такими трудами гребень той самой помогавшей нам Мод, своей близкой подруге, как я позже узнала, и направилась к двери.

Меня провожали чуть презрительными и вместе с тем завистливыми взглядами: будущая королева в день собственной свадьбы снисходит до заботы о фрейлине. Разумеется, такое внимание объясняется тоской по родине, с коей я остаюсь единственной связующей ниточкой и напоминанием. И каждая втайне надеется затереть эти воспоминания и занять место близкой подруги и наперс-

ницы подле госпожи. Сказать бы им всю правду и посмотреть на лица.

В коридоре мы с леди Жанной разошлись в разные стороны: она на поиски травника, я же — к своим покоям. Уединение в виде отдельной, пусть и крошечной, каморки, переделанной из склада для инструмента при рабочей комнате, которое мне здесь подарили, было до недавнего времени недоступной роскошью.

Мой путь пролегал мимо ниши, в которой установлена высоченная, метра три, скульптура Праматери. У стоп её копошатся всевозможные твари, реальные и вымышленные: тигры, аспиды, мыши, манतिकоры, единороги, лебеди, барсуки, онагры, сатиры, птицы каладриус, йейлы, левкроты и многие другие. Среди прочих размерами и тщательностью проработки выделяется волчья гончая. Её Праматерь треплет за ухом, отдавая явное предпочтение перед другими. Там же прикреплены огарки свечей и рассыпаны подношения. Для тех, кто желает произнести молитву в уединении, предусмотрены шторы. Этой нише предстоит ближе к вечеру сыграть особую роль.

Заслышав голоса, я резко останавливаюсь. Один незнаком, второй принадлежит Годфрику. Они направляются сюда, о чём-то ссорясь, и я, недолго думая, прячусь за изваяние. Почти сливаюсь с ним, прижавшись щекой к холодному мрамору и стараясь заглушить удары сердца. В следующий миг оба показываются из-за поворота. Я удобно устроилась в густой тени, а потому могу осторожно выглянуть. Годфрик уже одет для церемонии, на его спутнике одежды пажа, и он прекрасен, как Нарцисс — Покровитель в облике юноши, каким его изображают на миниатюрах в книгах: белое золото волос, утончённый овал лица и бездонные синие глаза. Только на миниатюрах у Нарцисса не искусанные в кровь губы, и голос я представляла себе холодным и властным, а не униженно блеющим.

— Но почему? — сдерживая слёзы, восклицает он и останавливает Годфрика за рукав.

Тот страхивает руку и быстро оглядывает коридор.

— Сам знаешь, почему, и я в тысячный раз повторяю, что это временно.

— Временно? — тут же хватается за надежду тот. — Сколько: неделя? Месяц? Год?

— Откуда мне знать! — теряет терпение король. — Сколько понадобится. Сам знаешь: люди дяди разве что в нужник со мной не ходят, и ты сейчас не упрощаешь мне задачу.

— Но ты ведь обещаешь вернуть меня ко двору?

— Я сделаю всё от меня зависящее, — дёргает плечом король.

— Что это значит? — В голосе прорезаются истеричные нотки, и Годфрик вскидывает ладонь, призывая юношу говорить тише. — Ты охладел ко мне? — покорно понижает голос тот.

— Не будь идиотом, Абель! — Годфрик трёт руками лицо, отчего кожа становится морковного цвета, и на ней проступают веснушки. — Как же мне всё это опостылело...

— И я опостылел?

— И ты! — сорвавшееся с языка. — Временами...

Юношу словно ударили — по щеке даже расплзается пятно, как от пощёчины, хотя Годфрик его и пальцем не тронул. Напротив, подчёркнуто старается сохранить меж ними расстояние на случай, если кто-то ещё покажется поблизости. Проглотив обиду, Абель обезоруживающе улыбается и притягивает короля за талию.

— Просто скажи, что будешь скучать, — шепчет он. Старается говорить обольстительно, но выходит довольно жалко — наверное, из-за мечущегося в глазах отчаяния. Глаза всегда выдают с головой. Именно поэтому я стараюсь держать свои опущенными.

— Не будь смешон, — резко отталкивает его Годфрик и снова оглядывается. — Ты делаешь всё, чтобы мы больше не свиделись!

— Почему ты так говоришь? — Уже не сдерживаясь, плачет Абель и протягивает ладонь, чтобы коснуться его лица. — Разве ты забыл: твоё сердце стучит лишь потому,

что бьётся моё. И кончина не так страшна, ибо мы встретим её, взявшись за руки...

— Нет, не помню! — пятится Годфрик. — И ты забудь. — Уже отвернувшись, бросает: — Ты ни в чём не будешь нуждаться. Одежда, еда, кони — всё, что захочешь.

— Но я хочу тебя!

Возглас повисает в пустоте, потому что король уже скрылся за поворотом. Абель ещё какое-то время стоит, глядя ему вслед — грудь сотрясается от беззвучных рыданий — а потом разворачивается и почти бегом бросается прочь, туда, откуда они пришли.

Значит, правду судачат о короле.

А Абель — идиот. Похоже, у него не было отца, который сказал бы, как мой: «Запомни, за стенами дома у тебя нет друзей. В определённый момент на жизненном пути тебе, надо думать, покажется иначе, ты решишь, что встретила добрых сочувствующих людей. Но таких среди посторонних нет. Лишь члены семьи будут искренне рады твоим радостям и разделят с тобой горе. Все остальные готовы только брать и использовать. Проявив для вида сочувствие, они втайне порадуются твоему несчастью и при первой возможности постараются уязвить, насмеяться и урвать у тебя кусок пожирнее. Отдавая другому чувство и мысли, ты отдаёшь ему власть над собой. Лучше б тебе никого взаправду не любить, кроме семьи, Лора».

Теперь от всей семьи осталось всего ничего... Прежде я была слишком мала, чтобы понять и оценить слова отца, и только когда начались наши с братом мытарства, постигла их правоту. Встречавшиеся мне на пути люди готовы были только брать и радовались, когда им это сходило с рук.

Поэтому Абеля мне не жаль: тот, кто бездумно растрчивает себя, не должен жаловаться, что его разобрали на части. Вдобавок, никогда в жизни я не посочувствую тому, чьё сердце на стороне кого-то из Скальгердов!

Людо ждал меня в комнате.

— Принёс? — Я быстро прикрыла дверь.

— Да. — Он протянул мне то, о чём мы договаривались.

— Годфрик уже направился в часовню, я только что видела. А мне вот-вот принесут траву, и тебя не должны застать.

— Не застанут. — Людо откинул волосы мне за спину и погладил щёку. — До пира мы вряд ли ещё свидимся, а там ты уже будешь ею, так что я хотел сказать... просто делай, как договорились, Лора.

Я сглотнула и кивнула. Он не отпускал щеку, и я почувствовала, как напряжена рука.

— И обещай: что бы ни случилось... ты не ляжешь с ним.

Значит, и он об этом думал. И, верно, забыл, что мне положено знать только про кровь и спальню, но не о том, что в ней происходит.

— Даже если что-то пойдёт не так?

— Даже если, — жёстко сказал Людо. — Мы найдём другой способ.

Размышляя в эти дни над предстоящей ночью, я решила, что в случае чего между крахом плана и выполнением задачи, для которой меня наняла леди Катарина, выберу второе, хотя меня воротило при одной только мысли о том, чтобы лечь с Годфриком. Особенно после сцены с Абелем. Людо будет вне себя, но потом поймёт, что так было нужно...

Я отвела глаза, но брат резко развернул моё лицо обратно.

— Обещай! — хрипло повторил он.

Я чуть кивнула, но мнения не переменяла. Он отступил, мгновение молча смотрел и направился к выходу. Выглянув в коридор и убедившись, что снаружи никого, я шире растворила дверь, и Людо беззвучно выскользнул наружу.

Остаток дня старательно изображала хворающую. Теперь отсутствие в часовне и на вечернем празднестве леди Лорелеи Грасье не вызовет вопросов. Главное, что там будет супруга короля. Кем бы она на самом деле ни была.

8

Пир мне запомнился разбитой мозаикой. Мозг отмечал только детали, а не общую картину, и больше на уровне чувственных впечатлений: слепящие огни огромных свечных люстр на цепях, рассыпанные сотнями отражений по залу, густой запах шалфея и лаврового листа, источаемый чашами с водой для мытья рук; затейливые поилки с гренашем в виде фантастических тварей; жирные разводы от губ на поверхности вина в кубках; золочёные клювы и лапки у птиц на золотом же блюде в центре стола; изукрашенный эмалью и узорами шкаф-креденца¹, откуда сенешаль² брал поочерёдно единорожий рог на цепочке, жабий камень, агат и прочие змеиные языки³ и касался ими кушаний, проверяя их на наличие яда, прежде чем подать нам на стол, и моему воспалённому воображению мнилось, что рог кровоточит, указывая на заговор...

И люди-люди-люди всюду. От неумолчного шума голосов тяжко бухало в висках и ломило затылок, а от мельтешения головных уборов и нарядов, сплошь из сиглатона⁴, атласа и парчи, подташнивало. Перед глазами проносились подбирающие кости с пола звери и хороводы гостей: смеющихся, поднимающих кубки, травящих анекдоты, обжирающихся, давящихся, хлопающих жонглёрке в цветастом расшитом блёстками наряде. Её танец вызвал бурю аплодисментов и не слишком пристойных замечаний, а юбки взметались и кружились, опадали и снова взлетали вверх...

Мои руки, руки леди Йосы, держали ложку и нож с ручкояткой из чередующихся полос кости и эбена, больше

¹Небольшой закрытый шкафчик, использовавшийся у знати и ставившийся около стола. Туда клали предметы, используемые для снятия пробы блюд.

²В описываемое время исполнял обязанности стольника.

³Предметы, которыми проверялось наличие яда.

⁴Вид шёлковой ткани, из которой шилась богатая одежда.

для вида, потому что всё моё внимание сошлось на том, чтобы не допустить ошибки, не напортачить с какой-нибудь мелочью. Около часа назад мы с Её Величеством обменялись одеждами в нише со скульптурой Праматери. Я переоделась в переданное мне ею заранее простое платье с рукавами на пуговицах, пришла пораньше, спряталась там и считала удары сердца, пока не услышала шаги. Велев сопровождающим остановиться поодаль, она приблизилась к изваянию, якобы для молитвы, и задёрнула шторку.

В последний момент я вспомнила о талисмানে у неё на шее и повесила его вдобавок к двум другим предметам, спрятанным в мешочке у меня на груди. О них знаем только мы с Людо. Белокурый волос запустил процесс — тут уже не до разборчивости. Во время превращения леди Йоса держала меня, крепко обхватив обеими руками, а я изо всех сил зажимала себе рот ладонями, давая звуки, могущие выдать нас фрейлинам в полудюжине шагов от ниши. Мы рисковали... весь наш план сплошь построен на риске и балансирует на остро заточенном лезвии.

Теперь любой признал бы во мне молодую и прекрасную супругу короля. Разве что плавные движения леди Йосы трудно скопировать, но я старалась двигаться, как она, повторять интонации. Хотя вряд ли в общей суматохе кто-то замечал разницу, да и некому ещё здесь было знать её так хорошо. Людо сидел за другим, не почётным, столом, и всякий раз, повернувшись туда, я встречалась с ним глазами.

Бланка тоже время от времени косилась на меня, а Годфрик весь вечер смотрел перед собой и часто прикладывался к кубку. Я же в свою очередь изо всех сил пыталась не смотреть на регента. Получалось плохо...

Словно замороженная, я наблюдала, как рука с крупными красивой формы пальцами подносит ложку ко рту, как вспыхивают массивные перстни, как вокруг рта образуются складки, когда он смеётся, и как меняют цвет волосы, стоит ему тряхнуть головой, и вспоминала другой за-

мок и другой пир, на котором он точно так же был весел и нравился всем подряд. Как мы могли быть так слепы, принимая за искренность голый холодный расчёт? Даже сейчас мне с трудом верилось, что это один и тот же человек, а весёлые глаза могут вмиг стать холодными, как сталь, и рука, хлопающая по плечу соседа, с той же лёгкостью воткнёт ему нож меж лопаток.

Тут меня отвлек шум и вскрик жонглёрки, танцевавшей с чем-то вроде огромных железных вееров, униженных живыми огнями. Кто-то грубо отпихнул её и встал напротив нашего стола. Металлическая пика задела юбку, и та моментально вспыхнула, запахло палёным. Напарники девушки — один ходил на руках, второй показывал трюки с обезьяной, кинулись к ней и принялись сбивать пламя ладонями.

Музыка оборвалась, воцарилась тишина. Все смотрели на худого покачивающегося юношу, в котором я с трудом узнала Абеля. С трудом, потому что от ангельской красоты не осталось и следа. Его запавшие воспалённые глаза с набрякшими веками безуспешно пытались сосредоточиться на нашем столе, грудь была залита вином, а одежда в беспорядке лезла во все стороны.

Он глупо хихикнул и вытер мокрый рот. В тишине прозвучало резко и визгливо. Король сидел, не шевеля ни единым мускулом, лицо, и без того неподвижное, превратилось в маску. Кинув на племянника быстрый взгляд, Бодуэн обратился к юноше нарочито беззаботным тоном:

— Ну и набрался же ты, Абель, но сегодня это всем простительно. Эй, кто-нибудь, усадите его за стол! — Он махнул в сторону самого дальнего, где имелось местечко в углу у стены. — Только сперва отвесьте хорошего тумака и ничего, крепче эля, больше не наливайте.

Слова встретили одобрительным смехом, и на этом всё можно было бы замять, обратив в шутку, но Абель упрямо мотнул головой, отчего его снова повело в сторону, а ноги заплелись.

— А я пришёл не к вам, Вечный Недокороль, неа! — Он покачал пальцем и неловко крутанулся на пятках, словно

выбирая ведущего в игре. — Я пришёл лично поздравить новобрачную и пожелать ей до-о-о-лгой и страстной ночи! — Слова предназначались мне, но смотрел он на Годфрика, часто моргая. Тот по-прежнему молчал и не двигался, как застывший в смоле комар.

Абель отвесил глубокий, до самой земли, поклон и, не удержав равновесия, шлёпнулся на пол. Попытался встать и снова упал.

Бодуэн сделал знак страже, уже без фальшивой улыбки, и те двинулись к парню, ползающему в безуспешных попытках подняться.

Гости переговаривались, прикрываясь ладонями, и обменивались многозначительными взглядами, поглядывая то на Годфрика, то на меня.

Не иначе как Ваалу, отец всех козней, вселился в меня в тот миг, заставил встать и громко произнести:

— Постойте! Пусть займёт место рядом со мной. Хочу, чтобы сегодня всем было весело и ничто не омрачало праздника.

О словах я пожалела тотчас. Стражники растерянно застыли, регент посмотрел на меня, словно впервые увидел. Что за затмение на меня нашло, зачем я это сделала? Ради мелкого желания уязвить Годфрика? Заставить Бодуэна наконец взглянуть на меня, пусть и в обличии королевы? Ну, не из жалости же к Абелью..

В глаза среди прочих бросилось лицо Людо, и я мысленно отругала себя последними словами.

— Нет. — Я даже не сразу поняла, что этот холодный безжизненный голос принадлежит королю. — Моя супруга слишком снисходительна. Вышвырнуть его вон.

Абель как раз поднял голову, поддерживаемый с обеих сторон стражниками. Прядь прилипла к лоснящемуся от пота лбу, губы силились что-то произнести.

— Пожалуйста, Годфрик.. — услышала я, или мне показалось, что услышала.

— Вон я сказал! — рявкнул король, лицо и шея которого покраснели от гнева. — На псарню его, выдрать хорошенько, а как проспится — за ворота.

Стражники, как по команде, повернулись к Бодуэну, и тот коротко кивнул. Юношу потащили прочь из зала под сдержанные смешки и язвительные замечания гостей. Он, наконец, пришёл в себя и обернулся через плечо, издав слабое:

— Годфрик!

Король отвернулся и махнул жонглёрке, успевшей стряхнуть пламя и теперь переминающейся в опалённой юбке.

— Чего стоишь, продолжай. И вы тоже! — Это уже остальным актёрам. — Те принялись наяривать смычками по струнам, раскручивать трещотки и изображать веселье.

Извивающегося Абеля дотащили до дверей, он упирался длинными хрупкими ногами.

— Годфрииик!

Последний рывок, и он за дверью.

Король так и не повернул к нему головы. Зато наконец посмотрел на меня. Горящими налитыми кровью глазами. И сделал знак прислужнику долить в свой кубок гренаша. Подзывал он его ещё неоднократно в течение вечера. В один из таких разов регент накрыл кубок ладонью, но под яростным взглядом племянника медленно убрал руку. Я уже плохо соображала от духоты и напряжения, вызванного затяжным превращением, и, забыв таиться, смотрела на Бодуэна. А потому вздрогнула, когда он повернул голову и взглянул прямо мне в глаза. Вокруг сделалось очень-очень тихо. Я вдруг обнаружила, что не только он, но все до единого гости смотрят в мою сторону, и помертвела, решив, что личина каким-то образом сползла, обнажив обман.

Но следом стала понятна причина: в зал внесли массивную чашу на бронзовой треноге и установили в центре. Настало время брачной проверки. Той самой, из-за которой настоящая леди Йоса не смогла бы стать королю супругой и покрыла бы свою семью позором.

Я понимала, что надо встать и тоже выйти на середину, но не могла заставить себя подняться. Ноги размякли

студнем, под ложечкой противно сосало. Тогда рядом возник давешний юноша, провожавший меня, Лору, в замок. Он сидел в конце нашего стола, часто подходил к регенту, и на этот раз я запомнила, что его зовут Тесий.

— Позвольте, Ваше Величество.

Он подвёл меня к чаше, возле которой стоял ребёнок — девочка лет шести. Она была обряжена в тогу и с трудом держала глиняный кувшин с водой. В кудряшках нежно белел веночек из роз, а на лице застыло серьёзное, под стать моменту выражение. Только невинное дитя может провести эту церемонию.

На плоском днище чаши лежали крупные овальные камни, с виду ничем не примечательные. Девочка качнула кувшин, подула в него и наклонила, выплеснув всё без остатка. Вода заполнила сосуд почти до половины и немедленно вскипела под действием камней. Я склонилась над чашей и ухватилась за края, чтобы удержаться на слабых ногах. В бурлящей поверхности отражалось лицо королевы, бледное и напряжённое, лопающееся сотнями пузырьков.

Существуют, как я недавно узнала от неё самой, разные способы подделать невинность: сунуть монету проверяющему лекарю, поместить в себя шарик хлопка, пропитанный бычьей жёлчью, а ещё лучше вкладыш смолёвки — это растение так раздражает всё внутри, что плоть начинает кровоточить...

Но ничто из этого не годится для «каменного суда», к которому прибегают самые богатые и родовитые семьи, такие как Скальгерды и когда-то наша. Теперь камни со дна чаши практически невозможно заполучить. Обычно, попав в семью, они хранятся в ней из поколения в поколение и вынимаются для таких вот случаев, как сегодняшний.

А некоторые рода и вовсе не верят в то, что образ первого мужчины запечатлевается на всём потомстве женщины, от кого бы она в будущем не понесла, либо же ставят приданое выше этого, поэтому отказываются от проверок. Но для короля важна чистота наследников.

Про камни я знаю с детства: мать проходила обряд, как до того её мать, и так далее. Я любила слушать рассказы кормилицы о том, как красиво всё было обставлено и сколько собралось гостей. Ужасалась и восхищалась в нужных местах, не вникая, зачем вообще понадобилась церемония и что кроется под «целомудрием» и «брачной обязанностью». Тогда это были всего лишь слова...

Я подтянула повыше рукава и в полной тишине поднесла пальцы к исходящей паром поверхности. Дёрнулась от звона выпавшего у кого-то кубка... Если девушка невинна, кипящая вода не причинит ей вреда. В противном же случае окрасится в алый и обварит до кости. Я затаила дыхание, чувствуя себя, как посетительница рынка, которую заставили открыть суму. Знаю, что честна, но внутри всё трепещет от мысли: а вдруг по какой-то дикой нелепой сумасшедшей случайности в суме окажется ворованное яблоко...

Я нашла глазами Людо и, по-прежнему не дыша и не отрывая от него взгляда, опустила руки в воду... и не почувствовала ничего. Только лёгкое покалывание пальцев, какое бывает, если зайти после мороза в тёплое помещение. Вода вдруг прекратила волноваться, став зеркально-гладкой. По скамьям пронёсся одобрителный ропот. Все посмотрели на короля.

Девочка с тем же важным видом кивнула стражникам, и они, сняв чашу с треноги, понесли ему. Позабывшись о том, чтобы доказательство водрузили прямо на стол, и получив в награду за труды золотую монету (от Бодуэна), она поклонилась и стремглав бросилась к ожидающей в дверях матери, теперь уже широко улыбаясь и демонстрируя дыру на месте передних молочных зубов.

Трапезная взорвалась ликующими криками и поздравлениями.

Только Годфрик, кажется, был не прочь посмотреть, как я корчусь и покрываюсь волдырями.

Не успела я опомниться, как оказалась в окружении фрейлин. Пир для меня окончен, впереди брачная ночь.

* * *

Я покорно позволила фрейлинам раздеть меня до нижней сорочки, с трудом удержавшись от того, чтобы не вцепиться в последний миг в платье, но, когда хотели снять и мешочек, накрыла его ладонью:

— Это останется!

— Как скажете, Ваше Величество.

Потом мне расчесали волосы, сбрызнули их цветочным составом и оставили одну, подвинув ближе традиционный кубок с вином, который надлежало поднести супругу, и тазик с розовой водой — чтобы мыть ему ноги.

Убедившись, что фрейлины действительно ушли, я подскочила к кубку, на ходу вытряхивая из мешочка содержимое. Там ютилось два предмета: крохотный, как на пару капель духов, сосуд с сонной одурью и шарик со свиной кровью, который принёс мне сегодня Людо. План был чрезвычайно прост: я встречаю Годфрика, подношу питьё, отвлекаю на то недолгое время, которое нужно, чтобы оно подействовало, и когда он засыпает, давлю шарик на простынях. Потом жду королеву, объясняю его состояние понятной в таком деле утомлённостью, меняюсь с ней местами и незаметно возвращаюсь к себе. Так я обвожу вокруг пальца сразу всех: короля, его семью, леди Йосу и её мать. Они будут уверены, что консумация состоялась. Шарик я поместила обратно в мешочек и принялась ждать.

Ожидание неожиданно затянулось, и отступившее было нервное напряжение вернулось, со всеми страхами и лишними мыслями, которые я старательно гнала. Устав мерять шагами покои, я присела на край высокой и довольно мрачной кровати. Крепкие дубовые столбики, жёсткий, как доска, матрас, тяжёлый бархатный полог, затеняющий брачное ложе, и морды волчьих гончих, наблюдающих сверху... Трудно представить, что на таком можно не то чтобы получить удовольствие, но хотя бы не слишком страдать.

В трапезной что-то бряцало, и дерево скрежетало о камень. Пир завершился, столы разбирали и складывали у стен, чтобы челяди было где спать. Высокородных особ разместят на третьем этаже — с боковой лестницы то и дело доносились голоса провожаемых наверх гостей.

Тут я вспомнила совет Её Величества встречать короля полностью раздетой и оттянула сорочку, оглядывая чужое тело. Перебьётся. Как и с мытьём ног — лепестки роз застыли на поверхности воды пёстрой ряской. Сразу напою вином, так что всё это не понадобится. Ещё вспомнился Абель... Где он сейчас: до сих на псарне? Разбитый и иссечённый розгами, как когда-то Людо... И позабыл ли Годфрик мой промах, отнесённый на счёт леди Йосы?

Снаружи раздался шум, дверь с треском распахнулась, и одного взгляда на покачивающегося в проёме Годфрика хватило, чтобы понять: не забыл. Он был в ещё худшем состоянии, чем Абель: красные пряди облепили мокрый лоб и шею, в мутных глазах — ненависть пополам с отвращением, словно он смотрит не на красивейшую девушку, а на таракана в сорочке, и губы гадливо кривятся. От неожиданности я примёрзла к кровати.

Он отвернул голову и рывкнул кому-то в коридоре.

— Проваливайте! — Ничего не произошло, и тогда он прорычал ещё громче. — Проваливайте, я сказал!!

Наконец раздались удаляющиеся бряцающие шаги стражников. Годфрик снова повернулся, качнувшись, ввалился внутрь, захлопнул дверь ногой и двинулся прямо на меня.

Я опомнилась, вскочила и, взяв тяжёлый инкрустированный кубок обеими руками, шагнула ему навстречу. От широкой фальшивой улыбки, которой я надеялась его смягчить, свело скулы:

— Ваше Величество, я ждала вас, и...

— Сука! — Он одним ударом вышиб кубок, и вино, прочертив в воздухе дугу, выплеснулось на белую шкуру на полу. Я, онемев, устала на алое, как кровь, пятно, не веря, что «простой и надёжный план» только что разлетелся вдребезги, а в следующий миг вскрикнула, потому

что Годфрик грубо схватил меня за шею, развернул к кровати и толкнул на живот. От удара о жёсткий матрас выбило дыхание, я тут же попыталась встать, но он навалился сверху, придавив всем весом и обдав запахом пошла.

— Будет тебе брачная ночь, дрянь! — прошипел он мне в ухо, вздёрнув голову за волосы. — Чтоб всем было весело, да?!

Одной рукой он ткнул меня лицом в покрывало, а вторую просунул снизу, рывком ставя на колени, и задрал сорочку до пояса. Я попыталась вывернуться, но лишь беспомощно ёрзала под ним. И вот тогда меня накрыло паникой, захотелось вопить от ужаса, но я едва могла дышать, покрывало лезло в рот, глуша все звуки. Годфрик отодвинулся, возясь со штанами и удерживая меня за затылок. Сердце колотилось, во рту стоял солоноватый привкус из-за прикушенной при падении губы. Праматерь Покровителей! Неужели это действительно происходит со мной? Ведь только что всё шло хорошо! Перекинуться обратно в себя?! Это наверняка поможет! Но тогда придётся попрощаться с возмездием и, скорее всего, жизнью... Я подавила стон. Значит, терпеть. Вцепиться зубами в покрывало и терпеть. В глазах вскипели слёзы бессильной ярости и страха. Раз должна идти кровь, значит, будет больно. Он и держал-то нарочно таким образом, чтобы было больнее. Не так, всё должно было быть не так!

В ягодицы ткнулась обнажённая плоть, и я глубже зарылась лицом в покрывало, чтобы не заскулить от отчаяния и унижения. Ну почему именно с ним и именно в таком положении? Не лёжа на спине, а как собаки или те грязные мужики, сопящие на бабах. Мне всегда это казалось отвратительным...

Я зажмурилась и приготовилась к пытке, но тут Годфрик ругнулся и снова отодвинулся. Вывернув голову вбок, я увидела, что он держится за промежность и пытается... а плевать, что он там пытается! Изловчившись, я изо всех сил лягнула его. Годфрик был на самом краю кровати и свалился назад. Я тоже скатилась на пол, больно ударила локтем, но тут же вскочила. Он ещё пытался под-

няться, пугаясь в полуспущенных штанах и поливая меня бранью, взгляд шарил вокруг, потеряв всякую осмысленность. Тогда я подхватила с пола пустой кубок и наотмашь ударила его. Годфрик упал на спину, широко раскинув руки. Я замахнулась, тяжело дыша, готовая в случае чего снова его приложить, но он лежал неподвижно. Убедившись, что он больше не поднимается, заставила себя разжать пальцы и уронить сосуд, хотя больше всего хотелось бить и бить, пока не вышибу из мрази дух. А вдруг я уже это сделала?! В памяти всплыло другое тело, старое и обрюзгшее, точно так же лежавшее на полу, и разметавшиеся красным покрывалом волосы короля показались мне растёкшейся кровью...

Ноги подломились, и я рухнула на колени. Икая от страха, пугаясь в сорочке, подползла к нему, приложила ухо к груди. Стучит... Стучит! Снова икнув, попяtilась на руках, подтянула колени, обхватила их и принялась покачиваться вперёд-назад, пытаюсь унять дрожь и рвущийся наружу смех вперемешку с всхлипами. Вот тебе и брачная ночь...

Теперь мои недавние рассуждения о том, что лучше позволить ему делать со мной всё, что захочет, чем сорвать план, казались детскими и незрелыми. Хорошо рассуждать о таком, сидя в безопасной комнате, а не извиваясь под пьяным разъярённым мужчиной. Наверное, правильнее было бы всё-таки вытерпеть и не рисковать понапрасну, но что сделано, то сделано. Теперь нужно думать, как всё исправить.

Немного успокоившись, я потёрла лицо и заставила себя собраться с мыслями. Скоро здесь будет королева, и лежащий на полу Годфрик со знатной ссадиной у виска совсем не похож на счастливого новобрачного. Остаётся молиться, чтобы назавтра он ничего не вспомнил, а головную боль принял за последствия невоздержанных возлияний. Мало ли что человеку примерещилось в таком состоянии... Скажу, что споткнулся на входе.

Поднявшись на дрожащих ногах и заперев дверь, я приблизилась к нему и, немного покружив, подхватила

под мышки. До чего же тяжёлый! С виду худой, но по ощущениям тащу мраморную статую! Сделав несколько рывков, я остановилась перевести дух. Только тот, кто тащил бессознательного мужчину, знает, что это такое. Я пыталась волоочь, перемещать рывками и толкать, падала, снова вставала и волокла дальше. Один раз в сердцах пнула.

Всеми правдами и неправдами мне удалось втащить его обратно на кровать. Сделав последнее усилие, я упала рядом, хватая ртом воздух и приходя в себя. Волосы почернели: личина в процессе возни сползла. Главное, чтобы Годфрик сейчас не очухался: на правдоподобную ложь меня уже не хватит... Отдышавшись, я снова поднялась, проворно стянула с него штаны и откинула покрывало. Теперь последнее: вынула подрагивающими пальцами из мешочка шарик, едва не лопнув его раньше времени, положила на кровать, глянула на Годфрика и одним ударом кулака размазала по простыни.

Едва успела это сделать и обтереть пальцы, как снаружи раздались шаги, и в дверь тихонько постучали два раза, а потом после паузы ещё два. Я подбежала, распахнула створку и втянула королеву за руку в комнату.

— Вы спятили! — сдавленно охнула она, тарась на меня.

— Это произошло только что, — пояснила я, сообразив, что она имеет в виду личину, — он меня не видел.

Голубые глаза, казавшиеся в свете масляной лампы болотными, перебежали на распостёртого на постели Годфрика и чуть расширились.

— А с ним что?

— Перебрал вина, уснул. Сразу после того, как мы... как он... — изобразив смущение, я ткнула в испачканные простыни. — Годфрик как раз слабо шевельнулся и что-то промямлил, не открывая глаз.

— Ясно. Быстро, помогите мне раздеться!

Она всё ещё была в платье с рукавами на пуговицах, но надела поверх раздобытый где-то — а может, взятый из дома, — передник служанки, а волосы спрятала под каль, что неожиданно изменило её практически до неузнаваемости.

Теперь, когда каскад пышных белокурых прядей не отвлекал внимания от лица, черты казались проще и мягче. Я торопливо избавила её от одежды, стянула с себя сорочку через голову и приготовилась накинуть на неё, когда заметила, что она пристально меня рассматривает. Внимательный взгляд скользнул от кровоточащей губы к ногам, и она брезгливо покосилась на Годфрика. Опустив глаза, я увидела у себя на внутренней поверхности бёдер следы от пальцев, которые скоро превратятся в синяки. Судя по всему, на шее они тоже имелись. Но королева так ничего по этому поводу не сказала и сделала мне знак повернуться.

— Теперь ваш черёд, поднимите руки.

Она помогла мне одеться и пристегнуть пуговицами рукава. В обычное время я себе таких не позволяла — не хватало ещё, чтобы приняли за доступную!¹

Выглянув за дверь, королева махнула, давая понять, что путь свободен. Я уже переступила порог, когда она поймала меня за локоть:

— Запритесь сегодня.

— Что?

— Запритесь на засов и, что бы ни случилось, никому не открывайте, — выпалила она и отпрянула, потому что в этот момент Годфрик застонал, приходя в себя.

Дверь перед моим носом с треском захлопнулась, оставив одну в темноте.

9

Накатила страшная слабость не только от недавнего нервного потрясения, но и от отдачи. Сегодня я удерживала личину на грани физических возможностей, чего де-

¹Во времена Лоры пуговицами пристёгивали рукава женщины лёгкого поведения — чтобы платье можно было быстро снять. Добропорядочные предпочитали вшивать их каждый день и отпарывать (рукава были очень узкими, по-другому их было не снять) или же привязывать.

лать нельзя. Ещё чуть-чуть, и могла надорваться. В нашей семье такое уже случалось — прабабка так и не оправилась, повредилась рассудком. Я и сама не была уверена, что по-прежнему в своём уме: мысли осыпались старой штукатуркой, кожа горела, а в ушах противно дребезжало. Перебирая руками по стене, я дотащилась до комнаты и ввалилась внутрь, как недавно Годфрик. Заметив на постели тень, вскрикнула, но тут же зажала себе рот ладошкой, различив Людо.

Он вскочил, миг оказался рядом и стиснул мои плечи.

— Ты в порядке?!

— Да, — выдавила я. — У нас получилось...

И с облегчением полетела в темноту...

А очнулась уже сидящей на кровати, с подоткнутой под спину подушкой, видя низко склонившегося надо мной брата. Он хотел убрать мои волосы с лица, но пальцы замерли на полпути. Слишком поздно сообразив, в чём дело, я попыталась прикрыться, но он развёл руки и отодвинулся, рассматривая меня: разбитую губу, наливающиеся синяки... Взгляд скользнул ниже, и я инстинктивно свела бедра, прижав подол.

Людо медленно встал, глаза стали пустыми.

— Я его убью, — произнёс он тусклым отстранённым голосом, что в случае брата указывало на последнюю стадию бешенства. — Он тебя...

— Нет, — выпалила я, подавшись вперёд, и схватила его за руку. — Ничего не было. Я его опоила.

— Врёшь!

— Хорошо, вру, не опоила, а оглушила.

Он моргнул, и я рассказала все, как было. Опустив, конечно, тот момент, когда лежала, заголённая, уткнувшись лицом в покрывало, в ожидании насилия. Сказала, что ударила кубком сразу, как поняла, что план с сонным вином провалился.

— Думаешь, он не вспомнит?

— Надеюсь. Он был страшно пьян.

Пояснения забрали остатки сил, и я вновь откинулась назад, прислонившись затылком к восхитительно-прохладной стене.

— Пожалуйста, просто помолчи со мной.

Людо сел обратно, привлёк меня к себе и прижался губами к виску.

— Всё хорошо, теперь всё хорошо, — твердил он, покачиваясь вместе со мной и глядя по голове.

Его слова подействовали, и вскоре я почувствовала, что проваливаюсь в зыбкую дымку дрёмы, предвестницы сна. Сна, который надеялась больше никогда не увидеть. Я забылась в объятиях Людо, а очнулась в трофейной нашего замка, ощущая на себе другие руки и запах восковницы и дыма. Подняв глаза, встретила с серыми льдинками.

Гость сказал, что всё, что я знаю, неправда: мой дом на самом деле цел, а родители живы, и он не делал того, в чём я его обвиняю.

— Видишь, — обвёл он рукой залу, — всё на месте, не так ли?

Я оглядела комнату, знакомую до последней трещинки на стене, мельчайшей заклёпки на щите, и сердце радостно подскочило.

— Ты можешь прийти сюда в любой момент, во сне этот замок всегда будет существовать. Так какая разница, что в том, другом мире, его нет? Тот мир хуже, в нём много боли и грязи, любимые уходят слишком рано, и всё получается совсем не так, как хотелось бы.

И правда, какое мне дело до того, что происходит в том ужасном мире? Лучше б навсегда остаться здесь... Я обнимаю Гостя и, зарывшись лицом в упелянд на груди, слушаю, как бьётся сердце, растворяюсь в умиротворении и блаженстве безопасности рядом с человеком, проявившим некогда доброту к расстроенной девочке и назвавшим её красивой...

Когда трофейная начинает блёкнуть, я хватаюсь за его одежду, утаскиваемая обратно в худший мир, залитый хо-

лодным утренним светом, и, ещё не успев окончательно проснуться, чувствую, как на смену сладкому самообману приходит жгучий стыд — вечным укором той Лоре, что поверила чудовищу, пришедшему разрушить наши жизни.

Щеку кололо шерстяное покрывало, а узкое окно, утопленное в глубокой нише, виделось размытым пятном. Услышав рядом ровное дыхание, я потёрла глаза и уставилась на спящего на боку, лицом ко мне, белокурого юношу на вид лет четырнадцати. Сердце взволнованно подпрыгнуло.

— Артур!

Глаз лежащего распахнулся, явив светло-карюю радужку, широкий после сна зрачок резко сузился.

С глухим возгласом Артур скатился с кровати, отполз на руках, забился в угол и, обняв колени, уткнулся в них лицом.

— Прости! — воскликнула я, вскакивая и приближаясь к нему. — Не хотела тебя напугать...

Опустилась рядом, погладила плечо, чувствуя, как он дрожит.

— Я так соскучилась!

Не удержавшись, крепко его обняла. Артур не сопротивлялся, но и не обнял меня в ответ. Вспомнив вдруг, что так и не заперлась, я сходила к двери, опустила засов и вернулась в затенённый угол.

— Людо знает, что ты здесь?

Артур дёрнулся и сильнее вжался в стену.

— Ничего страшного, не волнуйся, — я старалась говорить как можно ласковее, глядя его по руке. — Я с ним потолкую, он не будет сердиться.

Через какое-то время пальцы под моей ладонью перестали дрожать. Артур повернулся правой стороной, как делал всегда, и наконец осмелился бросить на меня осторожный взгляд, искоса, прикрываясь волосами. Он редко смотрел прямо, словно боялся, что его за это ударят. Как и Людо, он очень красив, хоть и на совершенно иной лад. Чем-то схож внешне с Абелем: тоже высокий, хрупкий, но ладно скроенный, с точёными скулами и тонкими